Юн Соын

Ты прилетал даже на одну ночь

Юн Соын

Ты прилетал даже на одну ночь

«Автор»
2026

Соын Ю.

Ты прилетал даже на одну ночь / Ю. Соын — «Автор», 2026

От калитки до моря семьдесят девять детских шагов. Когда маленькая Хаынсбивается со счёта, Джихо возвращается с ней к дому, и они начинаютсначала. Глядя на них, Хан Соён думает, что именно так могло быначинаться каждое их утро.Джихо работает адвокатом в Дубае, а Соён руководит отделением банка вСеуле. Порой между двумя рейсами у них всего одна ночь, и всё-таки онприлетает. К зиме он уже нашёл для них квартиру, и теперь они выбираюткровать для Хаын. Именно тогда Джихо попадается на глаза переписка Соёнс другим мужчиной. Она уверена, что эти встречи ничего для неё незначили. Он смотрит на даты и вспоминает, что она говорила ему в те дни.Почти два года спустя Соён приезжает на Хайнань, куда Джихо когда-токупил два билета. В кафе играет песня, под которую они танцевали у неё накухне, и Соён открывает блокнот. Ей так много хочется сказать о том, какони были счастливы. А Джихо в их последний вечер ждал от неё всегонескольких слов.

© Соын Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Дом в Сеуле 5
Глава 1: Четыре страницы 5
Глава 2: После конференции 7
Глава 3: Дети от первых браков 13
Глава 4: Я просто устала 19
Глава 5: Квартира 25
Глава 6: Уложите без меня 32
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Юн Соын
Ты прилетал даже на одну ночь

Часть первая. Дом в Сеуле

Глава 1: Четыре страницы

В гостиничном кафе оставалось единственное свободное место у окна, и с него море было видно лишь тому, кто догадался бы отодвинуть кадку с пальмой. Соён обхватила кадку обеими руками, приподняла на ширину пальца и отпустила. Земля оказалась настоящей, мокрой после полива, горшок весил как хорошенько набитый чемодан. Пришлось сесть боком и смотреть в просвет между листьями. Вместо обещанной на открытках бирюзовой воды в этот просвет попал пожилой человек в оранжевых плавках. Он сосредоточенно вытряхивал песок из сандалии, придерживаясь за тонкую шею женщины, которая терпеливо стояла рядом, пока он разбирался со своей обувью.

Девушка в фартуке принесла кофе и протянула Соён маленькую серебристую подставку. Женщина за соседним столиком держала на такой подставке телефон, так что экран находился у неё перед глазами и можно было завтракать двумя руками, разговаривая с человеком, который тоже что-то ел на другом конце связи. У него за спиной виднелась кухня с открытой дверцей шкафа. Соён едва удержалась, чтобы не подсказать, что он вот-вот врежется в неё затылком.

Она приехала на Хайнань в начале октября, когда в Сеуле уже доставали из дальнего конца шкафа куртки, а здесь по-прежнему хотелось прижать к шее холодный стакан. У неё был свободный час. Вчера такого часа тоже можно было дождаться, позавчера и вовсе прошёл сильный дождь, во время которого полагалось сидеть под крышей. Но именно сегодня ей попался по дороге сюда магазинчик с канцелярскими принадлежностями, и за восемнадцать юаней она купила у девочки в школьном спортивном костюме кремовый блокнот в точку.

Девочка хотела вложить его в бумажный пакет. Соён показала жестом, что возьмёт так, а потом попросила ручку и из трёх предложенных выбрала ту, где на колпачке была прищепка. Примерно с тех пор, как банк перешёл на электронную подпись там, где это позволяли внутренние правила, Соён писала от руки преимущественно поручения для сотрудников и списки в магазин. Она волновалась, что почерк станет мелким и торопливым, будто ей хочется поскорее отделаться от дела.

За год и девять месяцев она не забыла голоса Джихо. Когда в чужой машине вдруг попадалась их песня, он начинал говорить у неё в голове, и говорил обычно всякую ерунду, которую трудно было бы растолковать постороннему. Пожалуйста, мелко режь зелёный лук, говорил он, мне же завтра ехать в самолёте, зачем я буду отращивать усы по дороге в аэропорт. Он любил сам посмеяться над этой шуткой, а говорил её, всякий раз опираясь локтем о выцветший квадрат на столешнице. На яхте и у моря его фотографировали, в день рождения она запомнила даже, какого цвета были серьги в ушах у девушки, которая подала им шампанское. Вечер с зелёным луком никто не снял.

Под потолком что-то зашуршало, официантка подняла голову к динамику и, услышав первые такты новой композиции, негромко запела. Соён узнала мелодию раньше, чем вошёл голос. В городе, где Джихо проводил с ней выходные, эта песня попадалась часто. Услышать её здесь, после всех подозрительно удачных совпадений, случавшихся в первые месяцы разлуки, когда даже цифры в чеке складывались во что-нибудь значительное, было так неожиданно, что

Соён оглянулась. Ей хотелось поделиться с кем-то этим маленьким происшествием, а единственному человеку, который понял бы, отчего она подняла голову, она собиралась написать.

Она раскрыла блокнот сразу на чистом развороте, оставив первую страницу под обложкой для имени, адреса или для того, чтобы она так и осталась пустой. На левой руке, возле большого пальца, блестела капля, упавшая с холодной чашки. Прежде чем взяться за ручку, Соён старательно вытерла руку о платье.

«Давно я подбиралась к этому письму. И сейчас, в момент, когда решилась, заиграл тот самый трек, который якорем засел как ассоциация с тобой…»

Она перечитала написанное, поднесла ручку к последним словам и оставила их в покое. На работе она попросила бы сотрудника убрать половину этой фразы. В письме ей хотелось сохранить хотя бы одно предложение таким, каким оно вышло из-под руки.

За окном женщина всё ещё поддерживала спутника за локоть. Теперь песок вытряхивала она, подняв согнутую ногу так высоко, что сандалия оказалась почти у него в кармане. Он принял сандалию, не дав жене наклониться. Соён снова склонилась над бумагой. У неё оставалось пятьдесят три минуты, и ей казалось, что этого с избытком хватит, чтобы добраться до той летней ночи в Сеуле, когда он впервые спросил, как её зовут без должности.

Глава 2: После конференции

В пятницу, когда в отделении ждали участников конференции, Хан Соён пришла на работу с наклейкой дочери на лацкане пиджака. Перед зеркалом у лифта она обнаружила на себе довольного фиолетового кита и собиралась его отклеить, но за спиной стоял охранник господин Ко, у которого внучке недавно исполнилось четыре года.

— Рискуете, госпожа Хан, — заметил он, нажимая ей кнопку. — У меня за снятого медведя потребовали письменных извинений. Видели бы вы этот документ.

Соён перевесила кита на внутреннюю сторону лацкана. Если Хаын вечером спросит, плавал ли он с мамой, она сможет показать, где именно он плавал. Пока лифт поднимался на пятый этаж, она проверила в телефоне список гостей. Двадцать три участника, четыре доклада, обед на двадцать четыре персоны. Двадцать четвёртая порция предназначалась переводчице, которую при первом подсчёте забыли. За четыре года Хан Соён прошла путь от женщины, способной расплакаться в туалете из-за пропущенной в расчёте порции, до начальницы, которая заранее знала, кого именно забудут пригласить за стол. На должности она проработала два из этих четырёх лет.

В отделении Соён первое время принимали за женщину, которая должна принести воду. Ей было тридцать два, юбка всё время перекручивалась у пояса, во время разговора приходилось незаметно возвращать боковой шов на место. Заведующая хозяйством посоветовала брать пример со старшей кассирши, успевшей поработать с тремя управляющими. Та ещё с вечера оставляла на столике кувшин и чистый стакан. Пусть посетители сами разберутся, кому принадлежит кабинет. В первое же утро в этот стакан без всякой воды один посетитель положил вставную челюсть, чтобы она не мешала ему разговаривать. Кассирша принесла на блюдце бумажную салфетку, поправила ему чуть сбившийся воротничок и едва заметно улыбнулась новой начальнице. Всё-таки бывают люди, которым надо принести ещё и воду.

Старика звали Пэ Чхансу. Ему и его жене принадлежали две городские бани. Одну они купили, когда в домах по соседству ещё грели воду на угле, другую получили в счёт долга от шурина в самом конце девяностых. Дело шло удачно, в банк Чхансу ездил всегда сам и денег по возможности просил побольше мелкими, потому что в автомате для напитков периодически кончалась сдача. На приветственном приёме он хотел познакомиться, глянуть на её подпись, словно человека можно было определить по уверенности в запястье, а заодно узнать, как лучше устроить будущее бань. Соён взялась объяснять про обслуживание компаний. Он слушал внимательно, за салфеткой тянулся всякий раз, когда она выговаривала слишком длинное слово. Наконец она прямо спросила, кого он хочет видеть за кассой после себя.

— У меня есть дочь. Она продаёт инструменты в аптеку. Денег ей хватает, и в баню к матери с отцом последний раз пришла отмыть ребёнка от краски, которой тот разрисовал себе всё тело, пока они вечером чинили потолок. Она согласна унаследовать помещение, если я согласен снести саму баню.

— А если вы предложите управление кому-нибудь, кто у вас работает? Вы можете начать с одного корпуса и посмотреть, что получится. Сколько вам нужно в месяц, чтобы жить с женой?

Он потёр кончиками пальцев щёку, вежливо прикрыл рот, взял с блюдца салфетку и через несколько секунд вновь обрёл свои совсем немного похожие на настоящие ровные зубы.

— Я поэтому и приехал. Мы столько лет всё смешиваем, что я уже и сам не разберу, сколько мне надо. Помогите посчитать.

В подобных просьбах раньше ей слышалась лень состоятельных людей, привыкших за деньги поручать кому-нибудь решительно всё. У старика в сумке лежал календарь с общими расходами, крышка от банки с мелочью, притёртая к пластмассовому кольцу, и сберегатель-

ная книжка, которой он так упорно дорожил, что в кармашке была подшита порванная нитка. Его жена придумала сесть в их общем доме с четырьмя конвертами и разложить деньги, как раскладывали в первые годы совместной жизни, когда едва хватало на самое необходимое. В первый конверт — мастерам, во второй — другим людям, в третий — дочери, а в четвёртый — им двоим на субботу и воскресенье.

В субботу Чхансу давно хотелось прокатиться на велосипеде далеко по берегу реки. В воскресенье жена соберётся мешать соус на продажу, если привыкнет к мысли, что у неё уже два свободных дня подряд. Разумный план на старость, осуществить который им мешала вещь до такой степени элементарная, что за ней и пришлось обращаться к специалисту. Они оба никак не могли припомнить, сколько вообще может стоить день их собственной жизни.

Соён тогда только вышла на работу после рождения Хаын и за несколько месяцев едва ли выспалась хотя бы раз. Она сама не знала, сколько стоит даже час, если в этот час человек, который охранял дочь, покупает из своих денег упаковку подгузников, второй везёт её домой на машине, а третий тихо отсыпает ей в миску рис, пока она стоит в душе. У неё в сумке всегда лежала бутылочка с водой. В самый неподходящий момент на планёрке она вдруг могла перепутать правую и левую руку, услышать внутри себя нарастающее от мягкого к отчаянному детское кряхтение и прямо-таки почувствовать под мышкой ножку малыша. Ей нравилось переносить это в другие человеческие обстоятельства, когда кто-нибудь в её кабинете спрашивал, сколько денег потребуется. Она достала из шкатулки рядом с принтером два небольших почтовых конверта, приклеила к первому стикер с велосипедом, ко второму — с неровно вышедшим соусником.

— Эту часть бухгалтер вам точно не посчитает. Я бы начала с того, сколько стоит один устраивающий вас обоих выходной. Вы с женой в следующее воскресенье выйдите из дома, заплатите за всё, чем будете заниматься, а чеки принесёте сюда. Можете брать деньги по очереди и попутно договориться, кому что больше нравится.

Старик воспринял предложение чрезвычайно серьёзно и огорчился, когда первая попытка провалилась из-за лопнувшей в соседнем корпусе трубы. Тогда они потеряли три дня выручки и потратили на еду только две купюры в ближайшей лапшичной. Со второй попытки они, наконец, провели день на другом конце города. У билетной кассы выяснилось, что жена совершенно равнодушна к велосипедам, зато всю жизнь интересовалась устройством приливных мельниц. Чхансу еле удержался, чтобы не отправить Соён фотографию старых каменных жёрновов, возле которых она простояла двадцать минут. В третье воскресенье они купили дешёвый обед на двоих, вошли в книжный магазин и с удивлением обнаружили книжку о собственном районе с фотографией их бани примерно тридцатилетней давности.

На снимке Чхансу узнал свою руку, белую майку, жену в халате, которая стояла к фотографу спиной и чесала под лопаткой место, куда ей под ткань попал небольшой осколок кирпича при строительстве новой печи. В тот вечер супруги добирались домой на такси. Подобная трата в молодости вызвала бы много вопросов у их тогдашней совести. Теперь же оба решили, что однажды в выходной можно дать себе такую поблажку.

Месяц спустя они встретились втроём. Чхансу принёс чек с велосипедной станции. Он всё же проехал несколько километров, пока жена по телефону объясняла дочери, где возле старого дома найдет её любимую баночку с перцем. Жена представилась госпожой Ю и положила на стол два аккуратно расправленных конверта. Она сделала для себя одно неожиданное открытие. По воскресеньям они почти никогда ничего не покупали домой и оттого, возвращаясь, разом оказывались голодными. Им хотелось сохранить хотя бы деньги на поздний ужин. Они проговаривали каждый раздел, и Соён показывала, какой доход может оставаться от сдачи одного помещения в аренду.

Никаких больших чудес им совершать не пришлось. В бане был человек, готовый часть своей доли выручки вложить в выкуп дела, и ещё несколько хороших работников, которые уже

всё знали сами. Дочь согласилась приезжать раз в месяц. Жена сказала, что от радости хотела бы теперь помыться в своей бане как гостья и выйти тогда, когда ей заблагорассудится.

Через полгода в клиентском опросе для банка супруги поставили Соён только восемь из десяти. Проверявший её начальник впервые увидел девушку, которая искренне радуется довольно средней оценке. Он спросил, в чём дело. Чхансу собственноручно дал пояснение. Ездить за такими простыми советами в их городе довольно далеко, зато возле этого банка по четвергам продавали ещё и прекрасные солёные каштаны. Если в следующем году кассиры научатся звонить по очереди и давать пожилым людям время нормально позавтракать, добавим ещё один балл, пообещал он. Десять для него означало бы, что больше совсем ничего исправить нельзя, а на его памяти таких учреждений пока ещё не встречалось. И про банк, и про саму себя Соён считала примерно так же.

Из их с женой затеи вышло событие уже более заметное в отделении. Раз в месяц начали приглашать собственников похожих маленьких предприятий, готовившихся передавать дело другим людям. Встречались без длинных представлений, пили чай, передвигали стулья. Среди гостей оказывались очень состоятельные люди, помнившие остаток денег до десятка вон, но почему-то забывавшие назвать имя сотрудницы, которая одиннадцать лет открывала их контору в семь утра. Приезжали и такие, кому сначала казалось, что им по ошибке достался чужой пригласительный, потому что у них всего одна пекарня на двух братьев, и уже посреди разговора обнаруживалось, что из-за этой пекарни два брата и не поговорили толком последние семь лет.

На одну из таких встреч пришла госпожа Ан. Она послушала, взяла у кассирши ручку, а оставляя заявку, поправила на столике возле кувшина стакан, поставленный точно на краю. Соён тогда сразу почувствовала, что они поладят. Несколько месяцев спустя именно этим людям предложили большую летнюю конференцию с приглашёнными специалистами из других стран. Стулья пришлось заказывать, воду привозить ящиками, и девушку, которая будет её наливать, теперь официально включили в смету. Соён настояла, чтобы девушке заплатили и за все часы, которые она проведёт, ожидая, пока разойдутся гости.

В холле уже ждала госпожа Ан в сопровождении дочери. На конференцию её пригласили как основательницу фабрики, выпускавшей коробки для кондитерских. У неё был обычай носить в сумке пустую крошечную коробочку и, доставая визитку, слегка касаться её пальцами. Соён как-то спросила, есть ли там что-нибудь, и та ответила, что внутри помещается один миндальный пирожок. Она сказала «помещается», хотя в коробке лежала запасная батарейка для слухового аппарата.

— Мы вдвоём, потому что сегодня придётся слушать и записывать, — сказала госпожа Ан. — Раз я делаю одно из двух, Гаён согласилась заняться вторым.

Дочь смотрела в телефон с таким выражением, какое бывает у взрослых дочерей, когда их в пятьдесят лет представляют именем без фамилии. Соён пожала ей руку, спросила, как идёт переезд линии с короткими заказами в новый цех, и Гаён убрала телефон. О переезде упоминали вскользь несколько недель назад. Соён запомнила, поскольку в её собственной семье тоже существовала странная привычка говорить, что работой занят один человек, в то время как другой ездил по строительным магазинам, ловил на проходной мастера и по воскресеньям привозил чертежи под руку, чтобы над ними можно было подумать за обедом.

К половине десятого собрались почти все, и Соён прошла между креслами, устраивая людей, которые хотели бы сидеть рядом и стеснялись об этом сказать, подальше от тех, которые, напротив, чересчур энергично занимали им место. Кан Джихо пришёл с последней группой. На фотографии в раздаточном материале у него было более узкое лицо, волосы короче и серьёзное выражение, которое исчезло, едва он увидел конференционную табличку со своим именем. В его графе почему-то стояло «финансовый директор».

— Если это назначение, я должен посоветоваться с дочерью, — сказал он. — Она тяжело привыкала к моей предыдущей профессии.

Голос у него оказался тёплым, с мягкой сеульской интонацией. В карточке было указано, что он живёт в Дубае и работает с корейскими предпринимателями. Соён хотела исправить ошибку сама, однако стажёр уже принёс нужную табличку и, переставляя её, толкнул пластиковый графин. Крышка выскочила на стол, вода забежала под бумаги. Джихо успел подхватить ноутбук и поднял свой портфель, а потом подержал оба предмета ещё с полминуты, пока стажёр собирал воду салфетками. Все трое делали вид, что у них достаточно времени, хотя зал уже притих в ожидании вступительного слова.

— За те тридцать секунд, которые я пробыл директором, предприятие понесло первые убытки, — сказал Джихо, когда микрофон наконец заработал.

Это даже Соён рассмешило, хотя по должности ей предстояло улыбаться и шуткам куда менее удачным. Она открыла конференцию, передала слово первому выступающему и пошла выяснять, куда курьеры отнесли кофе. В подсобке оказался молодой человек, пивший свой уже холодный американо среди шести пакетов с горячими. Утром он поругался с девушкой и теперь искал по карманам пропуск, который она в сердцах сунула ему не туда. Соён помогла распределить стаканы по подносам и нашла пропуск у него на шее, под воротником. Оба рассмеялись с опозданием, чтобы за дверью не подумали, будто они посмеиваются над докладчиком.

Когда вышел Джихо, она села в последнем ряду. Он рассказывал о двух корейских братьях, открывших мастерскую за границей. Первый посылал домой фотографии нового оборудования, второй — снимки людей, которые этим оборудованием пользовались. Когда первый решил вернуться на родину, выяснилось, что слово «наше» у каждого много лет обозначало разные вещи. В конце госпожа Ан подняла руку и спросила, могли ли братья обойтись одним ужином до того, как им понадобились двое адвокатов. Джихо подумал, прежде чем ответить, и сказал, что понадобилось бы два ужина. За первым оба поняли бы, какие вопросы следовало задать. На второй, если бы договорились, пришли бы жёны.

После обеда он нашёл Соён у стойки регистрации, где она надписывала благодарственные открытки. Сперва он поинтересовался, не обидел ли владелицу фабрики, слишком долго разбирая её пример. Затем спросил, до которого часа Соён предстоит здесь пробыть. Глядя на мужчину через стойку, она уже знала, к чему перейдёт разговор после её ответа, и именно это ей нравилось в подобных знакомствах. В течение тех нескольких минут, пока люди подбирались к приглашению, она успевала увидеть себя глазами другого человека. Сегодня ей шёл цвет помады, прядь волос выбилась у виска так, словно её нарочно туда уложили, а у этого мужчины в тридцать с небольшим была приятная привычка слушать её с самого начала фразы.

К концу дня у Соён ещё оставалась одна рабочая неприятность. Госпожа Ан, заглянув в последний раз за своей матерчатой сумкой, выложила перед ней две одинаковые открытки и спросила, к которой из них приложили письмо для её фабрики. На первой мелким шрифтом благодарили за участие в качестве почётной гостьи, на второй, тоже адресованной ей, сердечно надеялись на продолжение удачного долгосрочного сотрудничества. Обе она получила в разных местах от двух искренне обрадовавшихся её появлению банковских работников. У дочери, которая привезла пожилую мать, отодвинула для неё кресло, записала для завода всё, что сегодня говорилось в зале, и целую неделю помогала заполнять список документации, своей открытки не оказалось.

В комнате ещё стоял Джихо, и Соён он ужасно мешал. Назначенная близость требовала, чтобы красивая молодая женщина спокойно отложила эту неприятность на другой день, поскольку сейчас в дверях ждал красавец мужчина с хорошим портфелем и готовым к употреблению запахом свежей мяты. Начальница отделения, слишком хорошо знавшая, чем оборачивается невнимание к человеку, числящемуся в списке вторым после главного участника, понимала, что другого дня ей могут просто не дать. Она попросила Джихо остаться, сказала,

что ей понадобится четверть часа, и, когда он вышел в холл, повернула кресло к боковому шкафчику, где лежали личные карточки сотрудников, ещё не подписанные руководством.

В верхнем ящике была памятная ручка с золотым пером, подаренная прежним руководителем филиала. Та писала бледно, через слово, и до негодования напоминала Соён о человеке, способном аккуратно вычеркнуть твоё повышение, одновременно приглашая заехать попить чаю к его пожилой матушке. Эту ручку она решительно отложила в сторону и села сочинять открытку для Гаён дешёвым чёрным маркером, который ни разу в своей жизни не обещал пускать ровную линию за щедро уплаченную сумму.

Госпожа Ан между тем пыталась её остановить, бережно накрывала левую руку короткими пальцами, потому что сейчас больше всего на свете боится, что кто-нибудь расстроится из-за её замечания. В какой момент человек, высказавший даже совсем небольшую и обоснованную просьбу, вдруг оказывается вынужден утешать того, кто её выслушал, Соён никогда понять не могла. Банковский сотрудник мог попросить клиентку вписать имя второй раз или прислать бумаги в часы, когда ей легче было бы воспользоваться курьером, и та почему-то немедленно начинала находить оправдания серьёзной работе молодого человека. А ведь в том случае, когда выходишь из дома ради действительно важного дела, хотелось бы рассчитывать, что люди по ту сторону стойки способны сами решить, от чего им впадать в отчаяние.

— Я хотела вас поблагодарить за то, что вы спросили про ужин, — сказала Соён. — Мне самой казалось, когда я читала материалы, что один разговор кто-нибудь из участников дела перестал считать обязательным. Я бы упустила это из виду, если бы не знала, что именно вам удаётся выловить.

Она протянула госпоже Ан нормальную, подписанную человеку с его работой карточку. Гаён, как выяснилось, уже была у машины. Через стекло внизу можно было увидеть, как она принимает у пожилого охранника сумку и ставит в багажник той самой машины, которую сама пригнала к самому удобному для матери выходу. Госпожа Ан с такой скоростью пошла по коридору к лифту с двумя открытками вместо одного семейного приглашения, словно ей было пятьдесят и впереди предстояло построить ещё пару хороших цехов.

Джихо в холле обнаружился в неожиданном месте. Он сидел почти на корточках у огромного горшка с фикусом, а рядом с ним тем же пренебрежением к приличиям оказался охвачен бывший крупный вкладчик по фамилии Сон. Этот господин, которого в определённом положении семейства уже не полагалось оставлять без личной машины, в своё время работал в телемастерской и за последние годы обзавёлся склонностью по окончании финансовых мероприятий чинить чужие пальто. У фикуса лежала металлическая скоба от пиджачного хлястика, и два взрослых человека, на которых можно было одним устным распоряжением составить бюджет среднего учреждения, пытались засунуть её обратно в пальто при помощи кончика чужой авторучки. Соён подошла тихо, достала из кармана серёжку с узкой проволочной дужкой, подцепила маленькую петлю и дала обоим возможность ещё немного побыть в уверенности, что почти добрались до цели самостоятельно.

Господин Сон радостно застегнул хлястик и, выяснив, что адвокат приехал из Дубая, немедленно принялся говорить о своей сестре, живущей в Торонто, потому что в его возрасте все родственники, уехавшие за границу, находились по одну сторону общей разделительной линии. Для Соён история была давняя и слегка менялась в зависимости от погоды и состояния его колена. Иногда сестра удачно вышла замуж. Иногда муж оказался никому толком не известным балбесом, которому следовало сперва как следует изучить корейский способ подниматься по корпоративной лестнице, а потом уже ехать торговать пастой из красных бобов в страну, где умеют есть мороженое на морозе.

Сегодня сестра звучала по-настоящему одинокой женщиной, которой её брат звонил в начале зимы, подгоняя переговоры под свой вечер и её самое что ни на есть занятое семейное утро. Джихо услышал это в середине второго предложения и довольно быстро отошёл с пожи-

лым человеком к стеклянной стене. Там на телефоне он стал устанавливать виджет с большими двойными часами для двух городов. Господин Сон в первый момент решил, что ему дарят новые часы с доставкой из Аравии, и Соён пришлось объяснить, что при такой щедрости человек в Дубае давно лишился бы собственного имущества. Он уехал, стоя в лифте широко расставив ноги и разговаривая с сестрой в Торонто, где ещё стояла глубокая ночь и которая, надо думать, скоро даст своему большому брату знать о недостатках новой системы.

— Ты сидела за столом с маленькой королевой, а побыть министром пришлось мне, — сказал Джихо, когда створки сошлись. — Это принято у вас в банке, что по должности нужно успевать починить людям пальто и вернуть каждому по собственному материку?

Соён с удивлением обнаружила, что той четверти часа, в течение которой человек в холле спокойно стоял на коленях у чужого фикуса, принадлежит, вероятно, самая запоминающаяся часть их знакомства. Прежде ей часто казалось, что мужчины, которые нарочно не замечают, как у неё в ресторане под каблуком заедает мягкая дорожка, очень хорошо воспитаны. Этот мог бы сесть на пол прямо рядом, не потребовав для неё такого же хорошего воспитания. Она предложила ему по дороге зайти к ней за зонтом, потому что на стекле уже перекатывались частые мокрые капли.

Они ужинали у хозяина рыбного ресторана, который сложил мокрый зонт Джихо в длинный пакет и по ошибке вручил его другой паре. Гости возили зонт на соседнее кресло, пока хозяин заметался между столиками, кланяясь сразу в четыре стороны. Джихо предложил дождаться хорошей погоды, Соён сказала, что до сентября у неё столько времени не найдётся. Расхохотавшись, он протянул руку, и ей понравилось ощущение его ладони, тёплой после чашки с чаем.

В такси она назвала адрес квартиры, опередив его настолько, что он ещё несколько минут собирался с вопросом, который уже отпал. На кухне он заметил пластиковую букву из детского набора, задвинутую под холодильник. Соён попала по ней мыском туфли, и буква с тихим стуком уехала подальше. Они целовались в прихожей, где из открытой двери тянуло сквозняком. Ей пришлось просунуть руку у него за спиной, нащупать дверную ручку и притянуть дверь. Он подумал, что она хочет высвободиться, и вполголоса спросил, всё ли в порядке. Тогда она обняла его обеими руками.

Утром он лежал рядом, подперев голову локтем, и рассматривал её настолько откровенно, что она потянула на себя простыню.

— У тебя такой вид, будто ты собрался нарисовать мой портрет и уже решил, что нос тебе не удастся, — сказала она.

— Я пытался понять, видно ли тебе кита в зеркале, когда ты застёгиваешь пиджак.

Она нашла его на лацкане, совсем забытом на кресле. До этой минуты она думала, что в ресторане её спутник смотрел ей в вырез блузки. Соён впервые произнесла при нём имя дочери и показала, как Хаын по утрам лепит наклейки сразу на оба маминых рукава, чтобы у морских животных была компания. Джихо открыл в телефоне фотографию своей Юны, которая красила ногти отцу, заснувшему перед телевизором. Девочка успела покрыть розовым лаком три пальца, а снимок сделал дедушка, единственный человек в доме, способный держать в секрете такую работу.

Соён приготовила кофе, а он вымыл обе чашки и поставил их вверх дном возле раковины. Ему предстояла рабочая встреча, потом машина в аэропорт. Одеваясь, он спросил, сможет ли позвонить ей вечером из Дубая. Какое-то время она слушала, как его шаги затихают на лестнице. Затем сняла с кресла пиджак, поправила наклейку и впервые за утро проверила, писал ли ей Санмин.

Глава 3: Дети от первых браков

Отец разрезал арбуз над раковиной, потому что последний раз дочь уговорила его сделать всё по правилам, разложить дольки веером на широкой тарелке, и сок за ночь затёк под клеёнку. Прошло две недели, прежде чем в столовую перестали ходить муравьи. Между двумя нижними зубами у отца всегда застревала первая семечка, он нащупывал её языком и делал при этом такое лицо, что Хаын падала со стула от хохота. Сегодня она особенно ждала этого представления и, когда дед повернулся к ней и высунул красный кончик языка, засмеялась раньше времени, прежде чем он успел посадить на него семечку.

— У меня плохая зрительница, — пожаловался он. — Все тайны знает заранее.

За столом собирались в честь старшей сестры, которая сдала сложный заказ, приехала забрать свою собаку и осталась праздновать до вечера. Мирён работала инженером по вентиляции в больших зданиях. Она умела объяснить, почему люди в одном конце комнаты зябнут, а в другом с облегчением снимают пиджаки, составляла многостраничные расчёты и уважала шутки отца за то, что могла с закрытыми глазами предсказать развязку. Рядом с собой она поставила мягкую переноску, приоткрыла молнию, и оттуда высунулся собачий нос. Хаын вручила ему деревянную морковку, после чего принялась дожидаться второго чуда за вечер.

В доме у родителей летом открывали дверь во двор. Когда-то там собирались поставить машину, но пристроили низкую комнатку, где отец хранил инструменты, а мать сушила бельё в те недели, когда от дождя начинали отсыревать даже ремешки у босоножек. Родители купили этот дом, когда родилась Хаын. В Пусане они как раз вышли на пенсию и долго прикидывали, сколько часов в месяц проведут в поездах, если ездить к внучке хотя бы раз в неделю. В конце концов отец положил перед Сонхи два расписания и спросил, годится ли для их возраста работа проводниками. Мать достала из шкафа папку с объявлениями о продаже домов в Сеуле. Папка, судя по количеству исписанных листков, появилась за несколько недель до отцовской шутки.

— Я ему написала адрес, — сказала мать, глядя на свободную табуретку.

Соён подняла брови. Брат приезжал сюда достаточно часто, чтобы знать номер дома. Выяснилось, что ему нужен был адрес для человека, который заберёт оставшийся у отца инструмент. Брат якобы устроился на строительный объект, где в первый день требовали явиться со своим шуруповёртом. Отец перестал резать арбуз и положил нож поперёк раковины.

— Главный вопрос, строят они что-нибудь или уже разбирают, — проговорил он. — В прошлый раз мне вернули пустой ящик. Я спросил, где дрель, мне ответили, что дрель на объекте. Должно быть, её там повысили.

Мирён машинально смахнула рукой крошки в ладонь, и Соён заметила на её запястье старый след от прививки. Эта ямка имелась и у неё, хотя в остальном они походили друг на друга меньше, чем иные женщины в одном вагоне поезда. У сестры были отцовские широкие суставы на пальцах, ранняя седая прядь над правой бровью и способность забыть про еду, когда разговор заходил о работе. Соён достался изгиб губ, за который ей с юности прощали двусмысленные замечания: никто не понимал, когда она говорит всерьёз и на кого, собственно, сердится.

Когда Соён была маленькой, она считала, что сестра живёт у другой мамы, потому что в том доме ближе школа. Взрослые долго придерживались этой версии. У неё появлялись смешные подробности, прибавлявшиеся каждый раз, когда маленькая Соён начинала интересоваться, нельзя ли Мирён перевести хотя бы на лето в школу поближе, раз она на каникулах. Однажды сама Мирён, учившаяся тогда в старших классах, отвела её на набережную, купила две бумажные чашки с жареными каштанами и объяснила, как это получилось, что школьное ведомство тут решительно ни при чём.

Их отец с детства знал маму Соён. В Пусане взрослые до сих пор вспоминали переулок, где на одной стороне сушили бельё Ханы, а на противоположной Чоны. По словам отца, их родные познакомились в день, когда бельевая верёвка оборвалась и три пары чужих подштанников пришлось вылавливать из бочки, в которой бабушка будущей Соён выращивала лилии. Мать называла эту историю одной из ранних папиных пьес и уточняла, что лилии появились значительно позже. Восторгались друг другом они тоже значительно позже. А потом семьи разъехались, переписка остановилась, отец встретил первую жену, у них родилась Мирён. Сонхи вышла замуж за человека, который нравился её тёте, и родила Ёнсу. Ко времени их новой встречи в Пусане оба развелись. На одной из первых прогулок взрослые взяли с собой детей. Мирён помнила этот день по новым туфлям, а Ёнсу по тому, что съел две порции лапши, пока никто не смотрел.

— Тогда ты действительно обрадовалась, когда у тебя появилась я? — спросила Соён лет двадцать спустя. Они сидели у матери на полу и чинили ремешок старой сумки.

— Я обрадовалась, когда узнала, что ты уже родилась. Несколько месяцев до этого папа начинал со мной всякий разговор с вопроса, как прошла школа, а заканчивал инвентаризацией пелёнок. Я надеялась, раз ребёнок уже тут, наконец можно будет досказать, как прошла школа.

Соён засмеялась, но сестра не шутила. Отец любил рассказывать историю о том, сколько пришлось ждать, чтобы быть вместе с Сонхи. В коридоре роддома, пока ему выносили новорождённую, чей-то отец, вероятно, объяснял Мирён, как пересесть с одного автобуса на другой, поскольку своего в тот день ждать было бесполезно. У отцовского счастья оказалась обочина, по которой кто-то другой шёл домой.

У Мирён сохранился снимок отцовского первого дома. На пороге стояла девочка с большим белым бантом и держала в руках деревянную лопатку, а от мужчины, сделавшего снимок, на неё ложилась тень с квадратной головой. Фото Мирён прятала в старом водительском удостоверении, между корочкой и выцветшей бумагой. Самого отца на карточке почти не разглядишь, хотя по тени было совершенно ясно, как он держал перед лицом фотоаппарат и что на левой руке у него висел свёрнутый детский плащ. Так он таскал его всё детство. Какой бы ясный день ни обещали с утра, упрямая пусанская погода всё равно встречала его где-нибудь после обеда ливнем. Плащ застёгивался на пуговицы в виде мелких рыбок. Мирён обожала эти пуговицы, а когда выросла из плаща, распорядилась, чтобы отец хранил его до тех пор, пока у неё самой появится ребёнок.

Когда в их доме появилась Сонхи, Мирён ещё училась в начальной школе. Её мать уже давно жила с другим человеком и каждую вторую субботу забирала дочь с ночёвкой. Отец за предыдущую неделю купил слишком много зубных щёток. Они лежали на полке в прихожей, завёрнутые в прозрачный пластик. Подходящую по цвету предстояло выбрать мальчику, которого привезла с собой Сонхи. По возрасту он был близок к Мирён и, судя по тому, как с порога сшиб ногой стоявшие на полу чужие тапочки, совсем не расположен был заводить ещё одну семью. Сонхи полезла расстёгивать ему куртку, мальчик дёрнул плечом и заперся в ванной. Плакал он тихо, очень стесняясь, и к ужину вышел уже сухой, старательно вымыв уши и затылок, чтобы никто ничего не заподозрил. Из всех щёток взял тёмно-зелёную. Мирён решила уступить ему своё место у стены за столом. Там было больше всего шансов просидеть обед незамеченным.

Через несколько месяцев она в основном стала жить у матери. Брала из нового дома по одной ненужной для виду вещи, пока не освободилась почти вся её полка. Даже старый плащ в конце концов исчез. Отец послушно доставал ей с антресолей каждую коробку и всякий раз спрашивал, когда же она снова принесёт всё назад. Мирён научилась отвечать «к зиме» и «после каникул». Так было проще им обоим. Мальчик, с которым она теперь очень редко виделась, получил её угол и её любимые цветные карандаши, а спустя ещё пару лет у него появилась маленькая сестра.

— Ты меня хоть помнишь маленькой? — однажды спросила у неё Соён. Это было задолго до рождения Хаын. Они с сестрой случайно сошлись на лестнице у матери, сели прямо на ступень и долго смотрели, как внизу во дворе женщина развешивает мокрые перчатки большого и малого размера.

— Я помню тебя тяжёлой. У мамы нашей, то есть у твоей мамы, болела спина, меня попросили тебя покачать. Я прижимала тебя к животу и думала, хорошо бы кто-нибудь поскорее вернулся. Потом отец взял тебя у меня. Кажется, именно в ту минуту впервые до меня дошло, что и меня он носил так же. Сразу одной рукой подхватил затылок и наклонился к уху, словно хотел придумать какой-нибудь ужасно интересный секрет.

— А что он говорил?

— Перечислял станции автобуса, на котором ехал с работы домой. Спокойным таким голосом. Я потом стала возить своих на метро этим же способом. На карте достаточно названий, чтобы укатать целый детский сад.

Соён любила в сестре эту способность помнить почти всё и обходиться без торжественных речей, когда выпадал случай предъявить остальным, сколько терпения понадобилось, чтобы стать взрослой и довольной жизнью женщиной. Мирён отвечала за вентиляцию в новых зданиях, а в свободное время шила. На образцах плотной портьерной ткани проверяла, в какую сторону тянет из окна, а потом брала их домой и превращала в чехлы для подушек. Ножницы и маленькую отвёртку она носила в одной узкой сумке. Свою мать Мирён по-прежнему навещала по субботам, если не уезжала в командировку. К отцу забегала в середине недели. Она слишком давно привыкла к двум домам, чтобы в каждом из них оставлять возле двери полную пару старых ботинок, и всё-таки у дверей обоих теперь хранились её зонты.

Ёнсу, в отличие от неё, долго не мог расстаться даже с той тёмно-зелёной щёткой. Годы спустя, когда вскрыли трубу и пришлось разбирать в Пусане ванный шкафчик, щётка нашлась среди отцовских отвёрток, и Сонхи положила её в сумочку. Мать могла забыть, когда пообещала зайти к знакомой, но отлично помнила, что в тот день, когда они приехали к её будущему мужу, мальчик молча вынес её чемодан, хотя тот весил больше его самого. Она тогда не обратила внимания на его ботинки. Они жали, он оттаскивал чемодан то на одном боку, то на другом, а вечером семья сидела за общим столом и каждый ещё старался понравиться новому человеку.

Позже под белым носком Сонхи нащупала тёплый, сырой кровяной волдырь. Она знала, что жаль ей в сыне именно этого непривычно серьёзного мальчика, и никакое известное ей количество обманов не в силах было заставить её вспоминать одну только его взрослую, неудачную жизнь.

Когда Ёнсу в очередной раз на несколько дней пропал из дома, Соён было шестнадцать. Мать просила отца посидеть с дочерью и уходила на вокзал одна, надев старую тёмную куртку, в которой не так холодно стоять у входа. На третий вечер Соён взяла деньги из банки для мелочи и добралась до вокзала следом за ней. На платформе мать сидела рядом с очень молодым мужчиной. У него была рассечена губа и разодрались колени на джинсах. Соён подошла ближе и поняла, что парень ей незнаком.

Он молча ел купленные матерью пельмени, Сонхи придерживала бульон, чтобы он не пролился, и они оба смотрели на часы над кассами. Человека, которого она собиралась забрать домой, на этом вокзале не оказалось, но Сонхи всё равно нашла, кому купить горячей еды. Соён рассердилась. Ей весь день хотелось кое-что рассказать матери про учительницу. Такое стыдное и трудное, что к другому взрослому она в жизни бы не подошла. Надо было застать мать наедине, налить ей воды, дождаться, когда та вытянет левую ногу, и только потом начинать. А этот чужой, нахвативший по губам мальчишка сидел возле неё, будто именно его искали дома третий вечер.

Парень поблагодарил, встал и прихрамывая ушёл покупать билет. Соён всё ещё стояла с другой стороны металлической стойки.

— Выходи, — сказала мать. — Я вижу твои кеды.

Она пересела ближе и освободила для дочери нагретое место. На табло прибавлялись минуты задержки. Когда Соён наконец заговорила про школу, из-под потолка как раз объявили посадку сразу на несколько поездов. Мать наклонилась ухом к её губам и, оказывается, услышала всё, вплоть до имени девочки, у которой учительница случайно нашла чужие записи. Соён винили в том, что она дала ей переписать контрольную. Она действительно дала подруге свою тетрадь и теперь пыталась объяснить почему. У девочки только что умерла бабушка, и та уснула на первых пятнадцати минутах урока. Сначала Соён обвинили в обмане, потом решили, что она сама всего лишь переписала, раз слишком бойко спорит, и задел именно этот поворот. Каждый мог посмотреть на обе работы и убедиться, кто пользовался старыми приёмами подсчёта, которым Соён учил отец. Сонхи выслушала, подобрала с пола упавшую у дочери резинку, стряхнула пыль о рукав.

— Ты там была и знаешь, как всё произошло. Чего ты сейчас от учительницы хочешь?

— Пусть скажет девочкам, что моя работа была первой.

— Если она скажет, про вторую тоже все узнают.

Соён замолчала. Ей хотелось вернуть себе старую, незапятнанную репутацию, оставить подругу в покое и ещё ненадолго получить в полное своё распоряжение усталую мать. Вот это последнее сегодня было возможно. Они долго сидели под часами. Дежурный сменился, у билетных автоматов стало свободно, и мать сняла дочери ботинки, растёрла между ладонями её окоченевшие пальцы. Через час они обе вернулись домой. Ёнсу спал на диване, подогнув колени и перепачкав наволочку чёрной полосой у виска. Отец выглянул из ванной, показал им перевязанный палец и предупредил, что провёл с сыном воспитательную работу, к сожалению, пролетающую мимо ушей у спящих людей. У него даже в самый дурной день оставалось в запасе ровно столько весёлости, сколько требуется, чтобы открыть дверь.

Наутро Соён, ещё до школы, позвонила матери той девочки и попросила проверить, что её дочь поела. Про контрольную говорить расхотелось. Годовая отметка в итоге встала на своё естественное место, а у брата вскоре началась другая история, с заводом, который взял его в ученики и согласился не удерживать первый месяц из зарплаты за испорченный им мотор. Семейных историй у Соён выходило так много, что к сорока годам, пожалуй, только и успеешь запомнить основное. Но когда Мирён вынула из старой обложки выцветшее фото, на неё вдруг повеяло тем временем, когда отец ещё мог накрыть ребёнка собственной тенью целиком. Соён пододвинула фотографию сестре обратно и впервые спросила, где теперь плащ с рыбками.

— У меня на антресолях, — ответила Мирён. — Я, когда девочки у меня выросли, думала отдать тебе, а потом забыла. Ты скажи, если для Хаын нужен. У меня иной раз ощущение, что он просто ждал, пока появится ещё одна наша девчонка под дождём.

Мирён вообще лучше других помнила семейные даты. Новый, ещё тогда белый, старенький автомобиль родителей, до рождения Соён попавший под сильный град, отполировали к месяцу её появления на свет, и отец, изо всех сил надеявшийся, что на домашней фотографии никто не увидит неглубокие вмятины на крыле, несколько раз переставлял машину на другой стороне улицы. Мать на том снимке смотрит мимо, туда, где мальчик Ёнсу держит в ладонях камешек града почти правильной квадратной формы и считает, что две самые важные на свете женщины отказываются засвидетельствовать его открытие. Первая из них в этот день фотографировалась в послеродовом халате и тапочках, вторая была первоклассницей и после всех усилий, потраченных на дырочки в ушах, категорически отказывалась лезть в кадр, поскольку ей на шапку натянули большой белый шарф, скрывавший обе любимые серёжки. Она присутствовала на всех сохранившихся копиях в форме оборванной торчащей кисти с двумя выставленными за папиной спиной пальцами.

— Кто это придумал, что фотография показывает, как было на самом деле? — сказала Мирён, вытаскивая тот кадр на экран. — Соён у нас в кавычках «всеми любимая новорождённая девочка», а на заднем плане половина её родственников подумывает взорвать вторую половину. И отец размахивал ключами, чтобы привлечь к себе твоё внимание. Ты орешь, а он делает так, как будто старается подозвать к себе щеночка.

Сонхи нагнулась посмотреть на экран через плечо Мирён. У Мирён в телефоне обнаружилась неожиданная способность быстро приближать одновременно лицо маленького Ёнсу и ключи от когда-то удачно отполированного автомобиля. Отец привстал, чтобы тоже глянуть, открыл рот и не сразу заметил пододвинутую Хаын деревянную морковку, которой маленькая девочка в этот момент сочла нужным его накормить. Мужчина, как известно, обладает способностью до глубокой старости внушать внукам полное убеждение, что все их замыслы следует непременно воплотить в жизнь, и на время перестал быть взрослым отцом начавших спорить женщин.

— Вот, видишь, что там в руке у Ёнсу? — спросила мать. — Семь лет ему, он уже бегал по двору и подбирал самые крупные градины. У него бабушка их в морозилку ставила, чтобы не растаяли. А он принёс свою в школу учителю. Из-за этого и сидит в углу со стаканом. Вышел в шесть утра специально с термосом.

С годами мать приобрела неприятную для детей способность делать чужую память тёплой там, где ей захочется. Когда она вспоминала себя молодой, свой второй брак и слова, которыми дед встретил их на улице, Соён отказывалась видеть в мальчике с градиной давным-давно непутёвого взрослого мужчину. Часть у неё и спустя много лет принадлежала ему, быстрому и недовольному, лицом к затылку сестры, готовому подставить ладонь под вылетевшую из проводов стекляшку задолго до того, как сестра увидит опасность. В то же самое время отец по одной этой фотографии мог рассказать, сколько стоило подержанное боковое зеркало, перекрашенное в другой цвет, хотя никаких воспоминаний о морозилке, куда мальчик укладывал градину, у него не сохранилось. Иногда чужие границы в семье намечались именно так, из сотни предметов, которые кому-то другому помнились совершенно иначе.

— Когда я тебе говорю, что в восемь лет мне хотелось иногда провести день наедине с папой, у тебя такое лицо, словно я выгоняю Сонхи на улицу, — сказала Мирён младшей сестре, когда собака наконец вышла на кухню понюхать, чем там кормят её родственников. — А он у меня вполне был, приезжал, ходил по субботам со мной покупать школьную форму. Но я иногда так скучала по нему, что старалась любую мелкую вещь сама сломать. Купила однажды задёшево у мальчика из нашего двора сломанную настольную лампу и позвонила отцу, что у меня теперь темно писать. Мама мучилась с этим крючком до вечера. Папа приехал ночью, когда я уже спала. Всё починил, причём именно в темноте, мне разрешили даже не просыпаться ради этой важной жизни, которую я им сама придумала.

— Ты поэтому инженером стала? — спросила Соён.

— Инженером я стала, когда сама попробовала починить ту лампу. Я любила же его, видела, как он умеет. И знаешь, что тут самое забавное, я иногда к этой лампе подхожу проверить провод и всякий раз, когда сама наконец умею, всё равно зову мысленно отца.

Соён покрутила на столе ту маленькую часть собачьей переноски, которую Хаын успела не просто снять, но зачем-то вылизать, и подумала, что в детстве тоже жаловалась отцу на разные домашние беды, хотя достаточно было принести в семью с целиком присутствующим папой одно по-настоящему честное огорчение, и он у тебя до вечера. Все эти годы её родители твердо считали своё воссоединение безотносительно счастливым, ждали свою общую девочку, расставляли спальные места для старших детей, честно делили по праздникам деньги. А старшая девочка покупала сломанную лампу за карманные деньги, вместо того чтобы хотя бы однажды сказать, какие бывают долгие три недели без отца.

Теперь, когда Соён слушала про чужое детство с живым собственным ребёнком под боком, ей стало трудно произносить любимую семейную фразу про то, как судьба соединяет людей, которым полагается жить друг с другом всю оставшуюся жизнь. Какое счастье, что это было правдой. Как же много в такую правду, оказывается, уходило чужих домашних вечеров.

Мирён забрала переноску, положила в неё остатки еды, чтобы увезти мужу, и вынула с самого дальнего дна хозяйственной сумки маленький красный фонарик. Тот, конечно, пришёлся по вкусу Хаын. Ей объяснили, как нажимать кнопку на корпусе, Соён вовремя закрыла глаз ладонью, а отец выпросил у внучки подарок ровно на столько времени, сколько требовалось, чтобы под столом подарить подсвеченную за ухо тень собаки. Тень растянулась по полу до кухни и вернула всех из давнего прошлого к ожидавшему их семейному ужину.

Брат всё-таки появился к концу обеда. Он был умыт, в выглаженной клетчатой рубашке с коротким рукавом. Услышав, что приехала собака, он лёг на пол, засвистел и через минуту уже стоял на четвереньках рядом с Хаын, показывая, как из своей переноски собака видит комнату. Девочка привыкла, что среди взрослых дядя единственный в состоянии целиком поместиться под столом. Он помнил и её нелепую собаку по имени Стул, и то, что любимую жёлтую ложку нужно положить ручкой к левой руке. Глядя на них вместе, Соён испытала давнее желание, которое преследовало её всю жизнь: чтобы брат так и просидел на полу до самого вечера и за ним можно было закрыть дверь, расчувствовавшись от хорошего дня.

Он попросил денег, когда она вешала после мытья рук полотенце.

— Зачем тебе сразу столько, если мы отдаём инструмент?

— Для ребят на бензин. Они же меня заберут.

— Ты можешь сказать, сколько стоит бензин, или у тебя в машине едут четыре нефтеперерабатывающих завода?

Он поднял брови совершенно как она, и ей впервые пришло в голову, что этот жест достался им обоим от матери. Именно в эти минуты, когда он говорил осмысленно и с юмором, особенно трудно было отказаться считать его обещание правдоподобным. В детстве он однажды отдал ей свой велосипед, хотя сам заработал на него, разгружая в чьей-то булочной мешки. Позже мать выкупала похожие велосипеды из залога, оплачивала койку в клинике, приезжала среди ночи к дверям чужих квартир, где он терял и деньги, и обувь. Так и не удалось установить день, когда тот мальчик с велосипедом сделался мужчиной, у которого алкоголь перемежался с таблетками, а работа помещалась между двумя просьбами о деньгах.

Соён дала ему половину, и он в отместку сунул купюры в карман, не пересчитывая, будто она собиралась потом припоминать ему каждую купюру. Зато к столу вернулся танцующим шагом. У калитки появилась машина, он вынес ящик. Отец потом очень долго складывал пустые арбузные корки в пакет, пока Мирён не тронула его за плечо и не сказала, что, если понадобится ехать за дрелью, на этот раз они поедут вместе.

Вечером, укладывая Хаын, Соён получила сообщение из Дубая. Мужчина, который видел её дочь только на фотографии, хотел узнать, что случилось с китом на её пиджаке. Она зашла за ним в коридор, нашла под лацканом бумажного кита, разгладила смятый хвост и показала дочери. Когда маленькая рука спрятала его под подушку, Соён сфотографировала край наволочки с фиолетовым треугольником и отправила человеку, который догадался о нём спросить.

Глава 4: Я просто устала

Человеком, который научил Соён пришивать пуговицы к мужским рубашкам, был её первый муж. У Пак Инхо почти вся одежда происходила из одного магазина, где, как выяснилось, зашивали узлы так, будто покупатель должен был распустить вещь сразу после выхода на улицу. По субботам он полчаса сидел у окна с коробкой из-под леденцов на коленях и укреплял приобретённое. Соён в двадцать пять лет нашла это занятие поразительным. Она до него встречала мужчин, которые умели заклеить колесо или вскипятить на костре кастрюлю воды, а с ниткой у окна, да ещё в такое прекрасное для жизни субботнее утро, никто из них садиться не соглашался.

В Сеул она приехала с жёлтым чемоданом, надпись на боку которого мать закрасила ногтевым лаком, потому что в районном магазине остался только выставочный экземпляр. Поезд отошёл в половине девятого. Через десять минут на табло в вагоне показали море, и Соён успела подумать, что, уезжая из Пусана, было бы разумно хотя бы смотреть в своё окно. Пейзаж, который вывешивали перед пассажирами, выглядел куда привлекательнее настоящих складов и огородов у железной дороги. В этом она чувствовала какое-то обещание. Теперь можно будет самой выбирать, какие именно виды считать своей жизнью.

С Инхо она впервые разговаривала под лестницей в университете, где висели объявления о работе. Оба переписывали один и тот же номер, хотя работу искали разную. Банк набирал студентов для помощи при открытии отделения, и над длинным перечнем обязанностей кто-то от руки дописал, что нужны два грузчика на пятницу. Инхо перевернул бумажку и нашёл под ней ещё пять старых объявлений. Какое из шести имело отношение к пятнице, установить так и не удалось. Чтобы зря не возвращаться домой, он пошёл в банк вместе с Соён. Столы и шкафы там уже поставили, грузчик получил деньги и ушёл, зато Соён вызвалась помочь разложить бланки. Её попросили оставить телефон и зайти на неделе поговорить о постоянной работе.

В те первые недели она ходила по Сеулу в пальто, которое до неё два года носила Мирён. В кармане за подкладкой лежал сложенный в четвертинку билет на сеанс, и Соён потом ещё долго выуживала его уголок, когда искала мелочь на автобус. Общежитие пахло крашеным деревом и рыбным супом из огромной кастрюли, купленной на всех обитательниц этажа. У соседки по комнате были собственные безмен и весы, а на двери висел лист, в какой день какую кастрюлю нужно ставить на плиту. Соён очень хотела повзрослеть, но в том, как она первые две недели втихаря ела в постели мамины сушёные анчоусы, было ещё столько от девочки, которая на празднике не решается подойти к общему столу, что Мирён, однажды нагрянув в гости, села рядом, запихнула ноги под одеяло и тоже взяла горсть.

— Пойдём в кино, — предложила сестра, обнаружив в старом пальто свой билет. — Я этот фильм, между прочим, пропустила. Думала, что потеряла билет в автобусе, а он уехал с тобой.

По дороге они заглянули в отделение, куда Соён уже приходила помогать с переездом. Ей назначили собеседование на четырёхчасовую смену. Первокурснице и такая работа казалась удачей. Соён казалось, что в большой банк надо являться изначально в хорошем новом пальто, с чистой визитной карточкой, а деньги на эту карточку и на пальто зарабатывают в каком-нибудь другом месте. Мирён подтолкнула её к стеклянным дверям. В холле женщина в форме подкручивала отвёрткой расшатанный подлокотник кресла. Она закончила работу, спрятала инструмент в карман и попросила Соён помочь передвинуть кресло, пока свободен проход.

Потом они подтащили под узкое окошко второе, с серой нашивкой на левом боку, специально для людей, которым трудно вставать с низкого. Только тогда женщина представилась, назвала своё имя и должность заместителя управляющего. Четыре часа днём, один вечер в

неделю, не совпадающий с занятиями, и три часа в субботу, когда отделение закрыто, зато из квартир над торговыми рядами приходят владельцы лавок. Для начала это было всё.

Мать по телефону спросила, много ли там платят. Отец хотел знать, разрешено ли студентке работать за стеклом на виду у всех. Ёнсу протянул руку к трубке и сразу повеселел. Значит, скоро их маленькая сестрёнка сможет выдавать брату деньги прямо из собственного окошка. Мирён единственная вспомнила, что в этот день Соён собиралась в кино, и потребовала, чтобы в следующее воскресенье та сводила её на какую угодно мелодраму за свой счёт. Так в семье отпраздновали появление первого человека, который будет работать с деньгами целый день и всё равно должен скучать по ним в конце месяца.

Один мужчина приходил по четвергам с бумажной торговой ведомостью, сложенной вдвое. От его рук пахло капустой и резиной от колёс тележки. Ему полагался свой номерок, и он хранил его, аккуратно наколов на тонкую медную иглу возле лацкана. По виду мужчина был ещё крепкий, однако час ожидания клал ему голову на грудь, а к моменту, когда загорался номер, мужчина проваливался в такой сон, из которого по имени вызывают сразу две женщины. Соён за день выучила, что он любит кофе из автомата, непременно половину стакана и без сахара. Она приносила кофе, сидела рядом три минуты перед очередной группой посетителей и слушала его воспоминания о ценах на капусту. Однажды он заговорил о дочери. Девушка надумала уходить с рынка и открывать кафе. Для такого дела требовались деньги, которые он собирал много лет и которые теперь предстояло ей отдать.

— Если я напишу её имя в этой графе, вы его там у себя сохраните? — спросил он. Он держал перед собой квитанцию, которой требовалась всего лишь подпись. — Мне бы хорошо, если бы она видела, что я вписал.

У Соён не было ни права распоряжаться графами, ни человека в начальстве, который захотел бы обсуждать с ней подобные случаи. Она попросила разрешения принести ему конверт. Взяла пустой, из лежавших у почтового ящика, и написала на нём под его диктовку «Сунми, на первое открытие». Получилось двусмысленно, но мужчина обрадовался настолько, что она взяла ему из автомата ещё половинку кофе. Кафе Сунми продержалось чуть больше года. Весной, когда пришёл срок платить аренду за следующие шесть месяцев, хозяйка решила переехать обратно на рынок и готовить на маленькой плитке возле отцовской лавки. Именно туда Соён водила сестру, когда та бывала в её университетском районе. За стойкой висел тот самый конверт в плоской раме. Краски от дневного света поблекли настолько, что посетителю издалека виделся просто образец бумаги.

В то лето Соён впервые поняла, до чего приятно быть человеком, прихода которого ждут ко вполне определённому часу. Ей положили собственную ручку в липкий след от чужой, выдали ключ от посудного шкафа и разрешили оставлять на спинке стула синий кардиган. Начальница посылала её вместе с курьером за документами, когда клиенту путаница не позволяла добраться до отделения. Как-то раз Соён потратила два часа, отыскивая в корпусе больницы прикованную к постели женщину, которая готовилась к операции и хотела отдать племяннице доступ к своим деньгам.

Когда нашла, оказалось, женщине важнее всего было, чтобы племянница купила серые шторы её мужу. У мужа болели глаза, от солнца утром было трудно спать. Соён получила подпись на нужной странице и взяла с женщины слово, что та сама предъявит мужу новые шторы, как только вернётся домой. Через неделю в банке её ждали розовые носки и пакет конфет с запиской «За ноги, которые тебя до нас донесли».

Постепенно Соён стала различать, кто из посетителей заходит поглядеть на неё просто так. По средам в соседнем квартале собирались молодые люди из компании, торговавшей оборудованием для прачечных. Один из них носил жёлтый свитер, подходил менять купюру и мог менять её пять дней подряд. Когда он наконец пригласил её потанцевать, Соён успела за время его нерешительности представить и ночной клуб, и свой счастливый вид в зеркале, и как воз-

вращается под утро на метро, поправив волосы уже возле университетского душа. Он оказался застенчив и умел так смешно рассказывать о людях, которые находят в своих постиранных вещах деньги, что ей хотелось ещё и ещё у него что-нибудь спросить.

На рассвете он приготовил ей жареные яйца в комнате своего старшего брата. Брат куда-то уехал. Чужие рубашки висели по цветам, от светлых к тёмным, и Соён лежала, завернув колени в простыню, глядя, как солнце доходит до левого рукава белой рубашки. Она ни на что такое прежде даже не отважилась бы рассчитывать. Лежишь у чужого окна, красивый человек готовит тебе завтрак и только что тебя любил, скоро город проснётся, а ты распорядишься целым днём по собственному усмотрению.

Какое-то время она ожидала, что парень снова придёт менять деньги. Когда он пришёл, сама удивилась, насколько у неё уже прошёл восторг. Выяснилось, что яйца он на самом деле жарит всегда, даже для брата, что даже стеснение его происходит от привычки держать нижнюю губу зубами, а вот смешные истории и правда были хороши. Они пообедали у Сунми. Всё шло легко, вплоть до вопроса, куда они пойдут на следующей неделе. Здесь Соён никак не могла дать ему честный ответ, потому что на следующей неделе ей хотелось оказаться в другом месте, с человеком, которого она ещё не встречала.

Она поцеловала парня в щёку, положила меню на пустой стул рядом с собой и множеством невинных маленьких жестов дала ему понять, что их вполне счастливое утро всегда останется с ней. Через месяц Сунми спросила, когда снова придёт парень с забавным рассказом про сто вон в барабане стиральной машины. Соён уже и сама едва помнила, в чём была соль этой истории.

Студентки с её потока однажды собрались ехать к морю на три дня. У одной нашлась машина с таким маленьким багажником, что вещи последней пришлось везти на коленях, а на третьем повороте из сумки выглянуло чьё-то запасное платье в чехле. Соён поехала в одном тёмном, на тонких лямках, в нём и до моря было удобно, и на вечер оно подходило, если приложить к груди большую матерчатую орхидею. Именно так она сама себя в то время помнила. Девушка, которая умеет всё устроить. В её сумочке помещались два блестящих зажима, расчёска, какие-то записи, которые можно почитать неловкому спутнику в машине, пока он не решится на разговор, и денег ровно столько, чтобы среди ночи добраться домой одной.

Ей нравились мужчины, и собственная способность им нравиться делала её щедрой. Отказать в близости, когда оба этого хотят, казалось ей постановкой скучного, давно разученного спектакля. Только много позднее ей пришлось обнаружить, что близость иногда была ей самой почти не нужна, а она всё равно в неё шла, тревожась в ту минуту лишь о том, как другой человек перенесёт её отказ.

Однажды под утро на пожарной лестнице дешёвой гостиницы она застала однокурсницу по имени Нами. Та сидела с открытой книжкой у коленей и читала подзелёненную сигнальной лампой страницу. Из комнаты за стеной слышался слишком весёлый шум. Девушке нравился парень, державший до этого весь вечер Соён за талию. Соён нащупала взглядом ступеньку ниже и осторожно присела рядом.

— Тебе перед ним что-нибудь пообещали? Если да, я не знала.

— Брось, — сказала Нами. — Я утром сдаю английский и с самого приезда ищу, где можно двадцать минут нормально почитать. Хочешь, спроси слова. Те, что справа.

Они положили книжку под светильник, стали по очереди называть слова, и минут через десять Нами откинулась спиной на стену, изнемогая от смеха. Соён пыталась изображать каждое, которого та не помнила, и вся гостиница могла сейчас увидеть, с какой сосредоточенностью она исполняет роль измученного перевозками железнодорожного моста. Соён была ей благодарна. Ей хотелось подруги, с которой легко расположиться ночью на ступеньках чужой лестницы и говорить о чём-то далёком от мужчин. Нами сдала экзамен с первой попытки, а

несколько лет спустя прислала снимок в шапочке с кистью и, как многие люди, с которыми однажды без усилия разделишь час радости, постепенно исчезла из её жизни.

А в банке на спинке стула по-прежнему висел кардиган. Соён всё чаще приезжала минута в минуту и вовремя замечала, кому из посетителей под вечер нужен кофе. Начальница держала свободной для неё среду, на случай если во время сессии понадобится готовиться, и когда однажды предложила ей настоящее постоянное место, Соён успела лишь на секунду задуматься, что расскажет дома, зато ни на секунду не усомнилась в самом ответе.

Сначала Соён подшивала ксерокопии и направляла пожилых посетителей к окошку, где человек говорил с человеком, а посетителей помоложе к экрану, где человек разговаривал с программой. Потом ей поручили проверить, у кого из постоянных клиентов истекал срок карточки. Список можно было обзвонить за два дня. Она растянула работу на четыре, потому что к третьей строке поняла, что люди с удовольствием сообщают ей гораздо больше, чем требуется знать банку. Вот владелица столовой уедет к дочери и просит подождать, пока её зять научится укладывать ребёнка. А вот человек с беззаботным голосом так тщательно записывает адрес и время, что непременно что-нибудь забудет. На следующий день она позвонила ему перед выходом и действительно застала в шлёпанцах возле аквариума. Она умела немного побыть у человека дома, стоило тому поднять трубку.

К выпускному у неё была ставка. Мать прислала туфли, которые оказались короче на полразмера и невыносимо жали, когда приходилось стоять на ногах до вечера. После работы Соён спускалась в подземный переход и, пользуясь отражением в тёмной витрине, снимала жакет, надевала серьги, вытаскивала из сумки босоножки. В восемь она могла выглядеть так, словно весь день готовилась к вечеру. Ынжу, её университетская подруга, завидовала больше всего этой смене лица. У неё самой по лицу всегда можно было установить, во сколько она проснулась и чем её рассердила утром мать.

Они ходили туда, где за вход платили мужчины, а девушкам ставили на запястье штамп, проявлявшийся в свете лампы. За вечер Соён успевала натанцеваться с тремя компаниями, примирить незнакомую пару и поймать себя на том, что уже четверть часа держит за руку мужчину, имени которого толком не расслышала. Если он говорил, что знает в двух шагах место потише, она соглашалась и порой возвращалась за своими вещами только утром. Ей нравилось то, что происходило после, нравилось, как быстро сходила с плеч оставшаяся от банка выправка. Неловко становилось наутро, особенно если мужчина оказывался настроен на поздний завтрак и знакомство со своим миром. Ей приходилось с выражением неподдельного интереса изучать разбросанные по квартире фотографии и ждать, пока закипит вода для яиц. Вода в чужих квартирах всегда закипала удивительно долго.

На юге, куда девушки ездили в отпуск, всё оказывалось проще. У каждого имелись обратный билет и человек, ждавший его дома. В последние дни они с Ынжу записывали на гостиничном листке потраченные деньги. У подруги всегда сходилось до последней покупки в магазине, у Соён оставались вопросы к ночи со среды на четверг. Бумагу рвали по дороге к автобусу с багажом, а истории в подругином пересказе выходили достаточно приличными, чтобы их можно было рассказывать за столом с матерью. Ынжу знала только те части, при которых присутствовала.

Инхо окончил университет, работал конструктором в фирме, которая делала промышленные ворота, и однажды позвонил спросить, в самом ли деле ей нравится работа в банке. Оказалось, у него там открыли счёт для зарплаты. Позже он признался, что из трёх предложенных банков выбрал её, поскольку в таком случае имело смысл ей позвонить. Настойчивость, которую можно было так легко принять за деликатность, тронула Соён. Когда он ухаживал за ней, у неё впервые нашёлся человек, готовый довезти её до дверей и спокойно уехать, встретив на часах половину второго. К двадцати пяти годам она успела увидеть у приятельниц семейные

кухни с собственными полотенцами и хотела, чтобы у неё была такая же. При виде Инхо ей как раз думалось о том, на какую стену повесить крючок.

Свадебное платье выбирали с матерью в комнате, где зять хозяйки каждые пять минут подставлял стакан под капавший с потолка кондиционер. Из-за ширмы пару раз выглянул мальчик с пластмассовым мечом, и мать, совершенно растроганная собственным отражением в окружении десяти зеркал, заявила, что он похож на маленького брата принцессы. Мальчик потребовал с принцессы плату за вход и получил шоколадку. Прошло много лет, прежде чем Соён поняла, почему, выбрав однажды в лифте среди фотографий на экране ту, где у невесты виднелась только рука и край юбки, она с такой силой захотела замуж. Платье, примерка, собрание родных и мамина голова, склонившаяся над подолом, были событиями, о которых нельзя договориться самой с собой в одиннадцать вечера. Ей хотелось, чтобы собрались все.

Через год супружества она познакомилась на закрытии небольшого бара с Чхве Санмином. Его жена жила неподалёку, его младший сын готовился к вступительным экзаменам, и Санмин почти никогда не мог задержаться подолгу. Он водил большой серебристый автомобиль, на заднем сиденье которого лежали тренировочные мячи. После ужина он предложил её подвезти, остановился у тёмной стенки крытой парковки и спросил, можно ли её поцеловать. Когда они пересели назад, мячи посыпались под переднее кресло, и один из них она позже нашла у себя под босой ступнёй. На мяче было выведено детским почерком имя. Она перевернула его надписью вниз и позволила Санмину притянуть её ближе.

Ей нравились его плечи, грубоватая забота, с какой он подкладывал ей под голову куртку, и то, что он никогда не хотел забрать её к себе навсегда. Ему нравилось, что она наклонялась к нему прежде, чем успевала закрыться дверь, и что первая заканчивала разговор, если звонили дети. Они встречались в автомобильных переулках, знали, в каких домах поздно гаснет свет дежурного, а в какие дворы уже нельзя въезжать из-за цепи. После таких встреч Соён приходила домой, принимала душ, ложилась к мужу и несколько минут с нежностью смотрела, как у него подрагивает во сне щека. Он часто засыпал, положив руку на её половину простыни, и ей казалось, что эта рука защищает её от чего-то дурного.

Когда в отделение перевели Ким Тэука, он сразу оглядел комнату как человек, которому предстоит здесь весело провести ближайшие несколько лет. Ему достался стол возле принтера, он и по сей день вызывал у Соён улыбку тем, как поставил на аппарате чашку для взносов, посвящённых спасению сотрудника, вынужденного ежедневно выслушивать чей-то печатный труд. Сослуживцы кидали туда мелочь, и в пятницу он покупал на неё мандарины. С ним было легко задержаться поболтать после работы, пройти лишнюю остановку, уговорить подругу подождать пять минут, пока они что-то доскажут друг другу на лестнице. Как-то вечером Соён спросила, что он будет делать, если его не пустят в клуб в этих брюках. Он ответил, что останется у неё, раз уж она проявила такое участие в его судьбе.

Прошло несколько месяцев, прежде чем она сказала мужу, что устала. В кухне сушились две его рубашки, на одной болталась незакреплённая нитка. Инхо попросил её сесть, дошёл до стула первым и убрал сложенные на него тёплые полотенца. «Возьми отпуск, — сказал он, — у меня в этом году ещё есть десять дней, я могу с тобой». Ему в голову не приходило, что выходные и отпуск составляли собственно проблему. Соён почувствовала к нему сильную жалость, совсем не похожую на ту, которую полагается чувствовать к брошенному мужу. Ей стало жаль его за то, что он всё ещё собирается чинить вещь, которую она давно передала другому. Скажи она хоть немного больше, ему бы тоже пришлось жить с уликами, представлять внутренность чужой машины, пересматривать в голове её якобы особенно трудные вечера в банке. Она решила, что оберегает его, и от этого говорить стало легче.

Инхо так никогда и не узнал, сколько дней прошло с той ночи, когда она впервые осталась у Тэука, до утра, когда он проснулся один в квартире, откуда исчезла половина полотенец. Она перенесла свои вещи ещё до того, как удалось получить все бумаги о разводе. Маленькая

жестяная коробка с нитками по ошибке оказалась в её сумке. Открыв коробку три месяца спустя, она увидела на крышке иголку с уже продетой синей ниткой и, вспомнив о той недошитой пуговице, завернула всё это в газету. Отправив Инхо посылку, она вышла из почты с чувством человека, который сделал для другого то немногое, что ещё оставалось в его власти.

Глава 5: Квартира

Когда в квартире Тэука и Соён наконец заработала новая стиральная машина, она сообщила об окончании программы такой продолжительной мелодией, что соседи за стеной два раза постучали. Оба стояли перед барабаном, нагнувшись в одинаковой позе, и дожидались, когда можно будет открыть дверцу. Тэук как раз прочитал заметку о старом композиторе, написавшем несколько мелодий для бытовой техники, и теперь пытался вспомнить, какую из них стоило поставить на работу вместо будильника, чтобы организм сам шёл на службу в надежде на свежие носки. С ним даже приобретение машины выходило небольшим происшествием. Соён, уставшая к тому времени от мужа, который заранее выяснял, с какой стороны придут доставщики, чувствовала себя в новой квартире совершенно счастливой.

По вечерам за стеной кто-то учился играть на флейте. Тэук в ответ свистел своей стиральной машине, а по воскресеньям, когда из крошечного вентиляционного окна доносился запах сушёной рыбы, уговаривал Соён надеть пальто прямо поверх пижамы и вместе пройти по этажам, чтобы узнать, откуда так вкусно пахнет. Если по дороге попадался открытый ресторанчик, он считал расследование завершённым. Соён ждала, что однажды он сам заговорит о свадьбе, поскольку при каждом удобном случае обращался к ней «жена», а денег у них было достаточно, чтобы взять столик хотя бы на шестерых самых близких. Но столик оставался предметом разговора, как и путешествие в Канаду или замена большой раковины, в которую помещалась сковорода, только если снять ручку. Через пару лет она приноровилась мыть сковороду под наклоном.

Вскоре она узнала, что беременна. Она спрятала тест в коробочку из-под часов, подумав, что он поймёт шутку, и ждала дома. В тот вечер Тэук вернулся поздно и с таким сильным запахом алкоголя, что ей пришлось открыть окно на лестничной площадке раньше, чем он снял туфли. Он хотел поесть чего-нибудь холодного, непременно помидор, а в холодильнике были нарезанные огурцы и суп. Она постояла с коробочкой в руке и молча нарезала огурцы ещё мельче. Наутро, когда он свежим и добродушным вышел из спальни, она уже успела позвонить в клинику и матери. Прочитав уведомление с временем приёма на её экране, он обнял её за пояс, положил подбородок ей на макушку и сказал, что теперь соседи возненавидят их гораздо серьёзнее, чем за стиральную машину. Каким образом он так легко вернул её к радости после нескольких часов обиды, Соён впоследствии не могла объяснить даже себе.

Девочка родилась в апреле двадцать первого года. Отец Соён принёс на выписку детское одеяло из дома, потому что дочь вот уже месяц собиралась купить новое и в конце концов решила подождать до выходных. В это одеяло когда-то заворачивали её саму. Оказалось оно красным в белую клетку и такого размера, словно мать Сонхи собиралась укутать одновременно младенца, частную акушерку и всех трёх сопровождавших. На снимке Тэук стоял прямо за транспортировочным креслом, на котором сидела Соён с ребёнком, и оттого, что ему пришлось наклониться, вышел невысоким. Несколько месяцев он требовал телефоны у друзей и показывал более удачную фотографию, где он держал свёрток на руках под вывеской аптеки, а рядом с ним помещалась только макушка новоиспечённой бабушки.

В первое время все просыпались от любого вздоха из детской корзины. Сонхи ночевала на кухонном полу на тонком матрасе, отец приезжал из Пусана с едой, которую приходилось ставить на подоконник, потому что в холодильнике закончились полки. Тэук умел менять подгузник, придерживая младенческие пятки рукой так нежно, что у Соён при этом всякий раз сжималось горло. Сложнее оказалось отыскать его тогда, когда подгузник действительно надо было менять. В банке старались делать ему скидку как новоиспечённому отцу, друзья приглашали ненадолго развеяться после недели с новорождённой.

Длилось это вплоть до рассвета, а к полудню в родительском чате изобретались новые причины, почему выходному дню следует дать ещё один шанс. Соён чувствовала, что его переход от участия к полному исчезновению происходит слишком быстро, чтобы успеть вмешаться. Только что он раздумывал, подогреть ли ещё воды для ванночки, и вот на экране его телефона раскручивался чей-то значок, он благодарил её за ужин и в следующую секунду уже искал ключи, пританцовывая в прихожей.

В одну из первых суббот после рождения Хаын к ним приехал фотограф. Его вызвала Сонхи, когда ещё жила в Пусане, узнав, что теперь приезжают на дом, приносят с собой крохотные чепчики и могут сделать ребёнку такую фотографию, какую раньше приходилось чуть ли не два года ждать, пока ребёнок подрастёт и его можно будет отнести в студию. Фотографом оказался ровесник Тэука, в очках, в широком фартуке, на котором держатель для вспышки пришили рядом с большим карманом. Пришивала жена, потому что муж постоянно терял нужные вещи, пока крутился вокруг ребёнка. Он расстелил на краю дивана серое мягкое полотно и попросил открыть шторы. Соён вдруг с отчаянием увидела вкось повисший карниз, плохонькую замазку на окне и один собственный носок, который она положила на высокую полку в тот безумный вечер, когда мама пробыла с ними до ночи, а Хаын ни разу толком не уснула.

— Нам нужно будет оттуда снимать? — спросила она. — Я обещала заказать этот карниз нормальный.

— Будет виден только ребёнок. Я для этого сюда и приехал, — ответил мужчина.

Он разложил на столе два вязаных чепчика. У Тэука позвонил телефон. Голос в нём был громкий, весёлый, кто-то звал его на день рождения в заведение возле городской стены. Вчера Тэук клялся, что побудет с ними дома. Он действительно провёл ночь, собирая детский комод и так разделавшись с малыми винтами, что один из ящиков выдвигался теперь до конца, зато вдвигался неохотно. Соён ждала, когда он скажет в трубку, что к ним пришёл фотограф. Повод был уже, характерно только для него, настолько официальный, что отказываться товарищ обидится разве что для приличия. Вместо этого Тэук выключил звук и спросил, долго ли всё продлится.

— Ты можешь идти, — сказала она.

— Так сразу? Я думал, вы попросите держать её на руках.

— Я сама умею держать свою дочь. Ты только проверь, есть ли ещё мелкая отвёртка в кармане, а то она потом так и уедет с тобой.

Он выложил отвёртку в пепельницу у двери. Фотограф, помогая ей завязать чепчик, придерживал девочку с той мягкой уверенностью, которая приходит к мужчине, когда через его руки прошли сотни чужих спящих детей. Когда хлопнула входная дверь, Хаын пошевелилась и начала искать губами молоко, а потом подняла такой крик, что даже соседский пёс внизу отозвался удивлённым лаем. Соён сдернула красивую вязку и прижала дочь к себе. Слёзы у неё самой шли сильно, свободно, как идут от боли, когда её больше невозможно терпеть, и она сердито смахивала их коротким резким движением, чтобы не намочить ребёнка. Фотограф убрал руки за спину и попросил разрешения поставить чайник.

— У меня есть ещё час, — объяснил он. — Потом поеду снимать сорокалетие свадьбы. У тех тоже всегда кто-нибудь плачет. Если хотите, просто пока попьём чай.

На кухне нашёлся ячменный пакетик, пустая банка от мёда и варёное яйцо. Фотограф осторожно разделил яйцо пополам. Брать у заказчицы последнее, по его мнению, выходило совершенно неприлично, а ему хотелось есть. Соён удалось рассмеяться. Они макали яйцо в соль, она меняла ребёнку пелёнку, их общий чай всё никак не остывал, а из нижней части пелёнки при последнем движении вдруг высунулась крошечная пятка, и у пятки этой было до того лихое выражение, что оба одновременно потянулись к фотоаппарату. К трём часам съёмка закончилась.

Остановились на снимках без головного убора. На одном Хаын спала, прижав палец к кончику носа, на другом просто лежала возле матери, голова на замшевом сгибе локтя. Среди удачных фото почти случайной оказалась ещё одна картинка, на которую они смотрели вдвоём чуть дольше прочих. В стекле шкафа за плечом Соён отражалась пустая застеленная серым диванная подушка, и на ней в тени лежали два маленьких чепчика для головы, которая сейчас устроилась на самом привычном месте в мире.

— Отцу обязательно вышлите, — попросила Соён. — Я вам оба адреса напишу, моему отцу и отцу девочки.

Когда съёмка закончилась и дочь уснула, Соён увидела сообщение от Санмина. Старый её любовник спросил, разрешили ли наконец навещать такую красивую маму. Она сразу сняла себя с распущенными мокрыми волосами. Ей хотелось показать в кадре край шеи, ключицу и тёмное детское ушко за собственным плечом. Она так и отправила снимок, на котором почти не видно было Хаын, зато сама Соён смотрела прямо в камеру, свежая, словно после купания. Ответ пришёл быстро. Санмин помнил, что у неё в мае день первого настоящего отпуска — они когда-то прошли из-за этого словосочетания через спор и полбутылки яблочного вина. Не этот ли месяц она считает началом хорошей погоды? Соён откинулась на подушки. Человек, знавший её совсем до ребёнка, до Тэука и нового назначения, с удивительной лёгкостью сумел на время вернуть ей ту женщину. Даже шея у неё вдруг перестала болеть.

Вечером Тэук вернулся с праздника. В одной руке он держал пакет с курицей, в другой — бумажный складной веер с именем именинника. От него едва пахло пивом, а веер Хаын тут же напугал. Он прервал виноватую речь на полуслове, отдал Соён курицу и взял ребёнка. Она нечасто видела его так долго наедине с маленькой. Первые пять минут он просто стоял с ней возле окна, потом стал медленно сгибать колени, покачивая, а когда девочка запустила руку ему в рот, притворился, что ест пальцы. Смешок получился совсем короткий, хрипловатый со сна. Они переглянулись. У Тэука на куртке виднелась капля острого соуса. Вот теперь бы фотографа, подумала Соён, и почувствовала такую острую жалость к ним троим, что вышла на кухню, накрыла вчерашним полотенцем сковородку и долго стояла, уткнувшись лбом в холодное стекло шкафа.

Потом она ждала, что другая неделя окажется лучше. Отец рассказывал ей, что у мужчины появляется голова, как только ему удастся обсушить после ванны собственную дочь. Тэук несколько раз брался за полотенце и всё ждал, что их жизнь в прежней её части останется при нём. Бенефис певца в клубе назначался к одиннадцати вечера, день рождения младшего бухгалтера кто-то перенёс на четверг. Был ещё бывший сокурсник, которому во всех неприятностях приходило в голову звонить одному только Тэуку. Однажды молодая женщина из их компании позвонила прямо Соён. Просила сказать, всё ещё он дома или уже вышел и стоит ли ждать. Соён объяснила, что сама ещё на работе, и по тишине в трубке поняла, сколько довольно точных догадок принесло одной из них совершенное неведение другой.

В тот вечер она уехала с Санмином к реке. Они ели курицу из такой же точно бумажной коробки, какую ей привозил Тэук, только соус был сладкий, и Санмин, откинув сиденье, поглаживал её по ноге подошвой домашнего тапка, который всегда держал в машине для долгих поездок. Ещё остался у неё под ухом шрам, который он помнил. Ещё удавалось влезть обоим под одну куртку. Прежнее тесное веселье так легко возвращалось, что Соён охотно воспринимала его как заслуженный выходной. Для встречи она позвонила матери и попросила остаться у Хаын, пока дочь разбирает бумаги в банке.

Мать согласилась даже радостно. Только что внуку соседей подарили набор из трёх мягких кубиков, и Сонхи выпросила один, с красным китом, чтобы показать Хаын. Так прожили целый вечер трое людей, и каждый из них получил именно то, что любил. Перед спуском на набережную Санмин даже догадался слегка притормозить машину, чтобы Соён увидела, как из-под низкой железной фермы моста трогаются с воды птицы.

После полуночи она открыла собственную дверь ключом и застала дома обоих родителей. Отец стоял на табурете, подгоняя новый белый карниз. Мать гладила под ним постельное бельё, в уме считая что-то по-крестьянски, загибая по очереди пальцы одной руки. Телефон Соён оставался выключенным с того момента, как она сама предложила Санмину убрать их оба в перчаточный ящик.

— Ты купил мне новый карниз? — спросила она.

— Деньги свои можешь оставить при себе, — сказал отец. — Там надо было старые отверстия пересверлить. Мы малую на кухню отнесли, и я потихоньку. Только он немного левее у тебя теперь будет висеть.

Сонхи сняла с шерстяного пледа короткий седой волос. На столе еле заметно дрожал от чьих-то чужих шагов маленький чёрный фотоаппарат. Фотограф заезжал привезти распечатки, отец уговорил его поужинать, они разговорились о том, как в Пусане самовольно переделывали первые тёмные ванные под помещения для проявки, и мужчина забыл запасной аппарат. Сын фотографа скоро должен был за ним приехать, и Сонхи уже придумала, какой снимок попросит его сделать. Пусть они с мужем сядут в том же углу и возьмут Хаын на руки. Сонхи решила распечатать и этот кадр.

— Я тебе покажу, когда получим. Жалко, тебя опять не было, — сказала она без малейшего упрёка. Вообще непонятно было, как умудрялась мать сказать иногда обыкновенные несколько слов, за которые никому нечего ей предъявить, и этими словами весь вечер повернуть так, что Соён долго, ещё и в душе, ощущала на коже то самое пустое место, которое в кадре занимала бы она сама.

В начале лета оба её родителя окончили работать. Отец сдал на автобазе казённую куртку и инструменты, мать попрощалась с соседками, у которых годами покупала рыбу. Через несколько недель они продали своё жильё в Пусане и купили маленький дом в Сеуле, достаточно близко от квартиры дочери, чтобы можно было каждый день брать Хаын на прогулку. Обсуждая, какую мебель везти, думали прежде всего о низком кресле для сказок и о том, удобно ли прокатить коляску от калитки до кухни. Они собирались быть бабушкой и дедом в том возрасте, когда для этого наконец-то появляется время. У внучки были мать и отец, квартира, своя ванночка с резиновым ковриком и затеянный ради неё ремонт. Когда Сонхи убрала в шкаф второй большой пододеяльник со словами «на случай, если Мирён останется», в голову никому не пришло, что через пару лет ей потребуется ежедневная постель для младшей дочери.

На сделку родители попросили её приехать, когда всё уже было решено. Соён явилась с папкой, куда собиралась складывать документы, в первой за много недель рабочей блузке и с ребёнком в переноске. Ей немного нездоровилось, но воспользоваться той мощью, какую придавала её профессия словам «дайте мне посмотреть», хотелось прежде всего ради удовольствия поработать на своих родителей, сколько бы её ни уверяли, что они с недвижимостью вполне справлялись, когда она ещё жила у матери в животе. Старый владелец дома очень обрадовался её приезду. Его жена, с которой они перебирались к морю, изучала мужчин, сидевших за столом, с известной подозрительностью: каждый из них хоть раз, наверное, забывал, где проходит их собственная канализационная труба, а женщине до старости полагалось верить, что они всё устраивают как следует. Ребёнок спал у Соён на груди с прекрасной даже для ребёнка уверенностью в надёжности прочной ткани у материнского плеча.

Подписав документы, родители взяли ключи из потемневшего тарелочного блюдца с сосновой веткой. Блюдечко Сонхи почти сразу хотела вернуть. Выяснилось, что его кладут к ключам всякий раз, когда продают этот дом. Бывший хозяин, въехавший двадцать четыре года назад, обнаружил на дне сор под прозрачным слоем лака и в первый же день принялся его отскабливать. Так и осталась там маленькая серая царапина. Госпожа, ещё позавчера жившая в доме, рассказала это с удовольствием, с каким люди делятся глупостями супруга в обстановке, наилучшим образом доказывающей, что в результате этих глупостей получилась на редкость

солидная и долгая жизнь. Отец переложил ключи в карман пиджака и прижал блюдце к груди, как фотографию для первого документа Хаын, у которой сейчас только что открылись оба глаза и виднелась одна круглая клякса родного дедушки в просвете между материнским плечом и краем переноски.

Родители провели Соён по дому, замедляя шаг там, где прежде они сами особенно долго задерживались. Полы в большой комнате сперва хотели заменить, потом Сонхи напомнила мужу, сколько раз в месяц по нынешним временам может расплескаться детская вода, и супруги согласились подождать, когда внучка подрастёт на несколько месяцев. В комнате с торца дома возле стены отлично поместились бы мамины пяльцы с длинной деревянной рамой, отец наметил место под аппаратуру, которую всю жизнь не успевал собрать для музыки за ужином. Небольшое узкое окошко открывалось прямо во дворик, и там им предстояло устроить низкую скамью с подушкой, потому что это в Сеуле солнечная сторона, окружённая двумя стенами.

Соён слушала мать, которой в эту пору всё давалось быстро. «Мы будем вдвоём, у нас надо тут две розетки. Мы можем вот здесь сложить запас белья. Мы станем в обед заходить за внучкой, подрастёт немножко, будем ей целых два часа на ночь читать одну книжку». Тэук к этому времени подъехал на машине, нарочно так, чтобы освободиться пораньше, однако возле дома не оказалось свободного места и ему пришлось закладывать круг. Он позвонил пригласить всех обмыть покупку в ресторане, куда любили ходить его родители.

Отец хотел бы посидеть тут, на полу ещё неприбранной комнаты, посмотреть, как по стене идёт к вечеру свет. За вопросительным взглядом на часы угадывалось, что впервые в жизни он может провести здесь целый вечер с женой, отвечая только на крик собственного чайника. Между ним и дочерью просила есть Хаын, и обоим виден был с одного шага тот маленький кулак, которым она пыталась впихнуть весь свой удивительно сильный голод обратно в рот.

Они всё-таки уселись во дворе. Соён прислали фото с автобусной базы. Отцовские коллеги были сняты на фоне длинного фиолетового автобуса, где в левом углу за ветровым стеклом лежала форменная куртка, которой он никогда раньше не оставлял. К снимку была прикреплена запись голосов, а в конце слышалась странная одинокая нота. Соён попросила отца объяснить, что это такое.

— Дверцу закрыл слесарь, — сказал он. — На втором маршруте у этих автобусов такая манера, при закрытии клапана к концу немного свистит. Водители жаловались. Теперь уже без меня пусть послушают, за лето привыкнут.

Дочь ещё раз прослушала запись, приложив динамик к уху младенца, и по добродушному отцовскому смеху поняла, как приятно ему, что при всех проводах получилась одна настоящая, правильная нота, узнаваемая им своим собственным слухом. Он звучал до конца убеждённым, что Хаын им нужна, как нужна была возможность в тот день вдвоём есть лапшу прямо на пустом полу. На перемену решились они сами за её спиной, и радовались ей. Деньги, которые Соён заранее отложила для них, остались на счёте, потому что мать отказалась от них ровно с той же уверенностью, с которой когда-то разрешила дочери самостоятельно платить за своё общежитие. «Если я сейчас соглашусь, — сказала Сонхи, — через неделю ты ещё к строительному магазину приедешь с кошельком. Мы с папой сами себе этот дом выбрали. А мы сюда приехали, чтобы ты иногда жила спокойно с мужем. Позволь уж с пенсией сделать то, что мы придумали».

Тогда у них и мыслей не было о том, что однажды они подвинут пяльцы, чтобы сени освободились для женских туфель с каблуками и в прихожей оказалось куда поставить самокат. Возле двери родители вмонтируют через полгода маленький крючок для запасного комбинезона. Внуки приходят с запасными сухими штанишками, это известно с давних времён. А хорошие дочери, когда приходят поддержать постаревших родителей или водят к ним на

выходные своих детей, до того могут уверенно расти и делать карьеру в другом доме. В тот день никого не тяготила скорая роль действующих бабушки и деда. Они были ею счастливы.

К осени в отделении освободилась должность начальника. Декретный перерыв Соён сочли удобным моментом предложить пост мужчине, давно работавшему с крупными вкладчиками, но тот предложению предпочёл повышение в головном офисе. Оставались три кандидатуры. Собеседование назначили на утро, когда Хаын делали плановый осмотр, и Тэук сказал, что специально для этого освободится к полудню. У Сонхи хватило ума заранее приехать к дочери в восемь. Соён выступила на совещании, ответила на вопросы о клиентской базе, поправила ошибку в подсчёте, допущенную самими экзаменаторами, и успела прибежать в клинику, где Хаын спала у бабушки на руках в комбинезоне, застёгнутом так, что левая стопа лежала поперёк правой.

Вечером ей позвонили с поздравлениями, а во вторник за рабочим столом вытянулась небольшая очередь сотрудников, до тех пор обращавшихся к ней на «ты» и теперь судорожно подыскивавших приемлемую форму для просьбы об отпуске. Соён было тридцать два. Возвращаясь со службы, она заехала в магазин купить бутылку хорошего вина. Из-за долгого материнского воздержания половины бокала хватило, чтобы ей сделалось замечательно легко, и она просила Тэука рассказать, что говорят о ней в соседнем отделе. Он вдруг ответил, что ему и так весь день приходится слушать её имя, а дома он хотел бы хоть немного отдохнуть. Раньше он умел облечь такие слова в шутку. Теперь только покрутил бокал, посмотрел на часы и вышел во двор поговорить по телефону.

Образование у Хаын нашли, когда она была ещё совсем маленькой. Соён помнила тёплую гладкую руку детского врача и старый ободранный пластырь на ручке портфеля, который он, закончив разговор о следующем обследовании, поднял со стула. Ей хотелось припасть к рукаву и попросить, чтобы он остался ещё на пять минут, потому что пока он говорил, всё это хотя бы облекалось в понятные слова. Доктор открыл запись, мама Соён взяла её за локоть и сказала, что поняла, в какой месяц надо приехать снова. Соён вырвала руку. Она отлично расслышала сама, она умела запомнить дату, она каждую среду лично выслушивала людей, которые думали, что перед ними рухнул весь мир. С какой стати матери вздумалось сейчас брать её за локоть, как будто ей девять лет и нужно подождать, пока автобус проедет мимо?

Мать, конечно, мгновенно отступила, а Соён хотелось потом вернуться в тот коридор за этой рукой, и она всю обратную дорогу искала предлог взять Сонхи под руку сама. В метро пришлось встать у разных дверей. Когда они вышли на нужной станции и коляску тряхнуло на стыке, Сонхи схватилась за ту же ручку, что и Соён, и дочь успела хотя бы погладить её по выступившей жиле.

Первую большую драку отец привёз им домой вместе с телевизором. Он отремонтировал старую модель после того, как пролитый матерью тыквенный сок проник в разъём, и привёз коробку, перевязанную верёвкой, потому что Тэук хотел смотреть футбол в спальне. Из-за телевизора в доме задержались на час дольше. Время было позднее, Хаын кричала, отец давно хотел лечь спать, Тэук собирался в город. Кто первый взял другого за воротник, Соён так и не увидела. Выбежав из кухни, она обнаружила обоих у входной двери, сдвинутую в сторону калошницу и вырванную петлю на шторке, отделявшей комнату от прихожей.

Её отец, который в автобусном парке лет двадцать разнимал водителей, рвавшихся продемонстрировать, кто лучше сдал назад, теперь сам пыхтел в руке человека, которого дочь хотела сделать мужем. Мать унесла Хаын в дальнюю комнату. Непристойное слово Тэук произнёс в ту самую секунду, когда на лестнице показался соседский мальчик с собакой. Мальчик услышал, а ребёнок за стеной, который умел пока произносить только три слога, разревелся, словно слово относилось к нему.

Спустя несколько месяцев легче всего было предаваться любви в машине, потому что до машины требовалось только добежать. Там сидел Санмин, радостный, разгорячённый уже тем,

что ему удалось выцарапать у недели сорок минут. Соён говорила матери, что должна заехать в банк, а Тэук в самом деле в это время работал. Она научилась носить в кармане маленькую расчёску и пару серёжек, с которыми можно было вернуться домой красивой. Родителям ведь тоже приятно, думала она, когда дочь хорошо выглядит. В этом суждении был своего рода вызов человеку, который пожелал бы спросить, почему ради такого нехитрого результата следовало уезжать в промзону.

Весной двадцать третьего года она познакомилась с О Чонхваном. Он много говорил о том, что в доме всё держится на тепле, мог в середине обеда оторваться от тарелки и коснуться пальцами её руки, словно проверял, продолжает ли она сидеть напротив. Он был женат и умел объяснять грусть в собственном браке с такой обстоятельностью, что Соён стала мысленно подыскивать его жене другого мужчину, который лучше подошёл бы ей с её страстью к марафонскому бегу и выбору штор без учёта мнения остальных обитателей. У неё самой всё выглядело проще. Она сказала Тэуку, что они расстаются, мать привезла Хаын коробки для игрушек, а через неделю Тэук вывез одежду и забрал свой телевизор. Квартира, за которую больше заплатила Соён, осталась ей.

Чонхван поздравил её с трудным решением за ужином, который уложился в час с четвертью, и понемногу вернулся домой к жене, успевшей тем временем пробежать ещё один марафон. Перелистывая фотографии в открытом семейном альбоме, Соён увидела его возле финишной черты. Он держал в руке полотенце и снимая на телефон, повернул голову так, как никогда в жизни не поворачивал, когда смотрел на неё. Вечером она купила Хаын красное ведёрко и сама сложила в него оставшиеся в квартире детские буквы. Одна пластиковая буква закатилась под холодильник, куда рука не проходила даже без часов. Она оставила её там до лучших времён.

Глава 6: Уложите без меня

Когда Соён перебралась к родителям после ухода Тэука, она привезла с собой только одежду на неделю и прислонила у шкафа пакет с летними босоножками. Мать протёрла для неё верхний ящик комода, чтобы дочь не жила на сумках, и продолжала говорить «у вас дома» всякий раз, когда Соён отправлялась за очередной вещью в квартиру. Потом потребовались ещё два ящика, в ванной появилась дочерина расчёска, а пакет с босоножками до следующего лета так и остался у стенки.

В первую субботу она проснулась с широко раскинутыми руками и не поняла, с какой стороны у кровати находится пол. В квартире под подушкой почти всегда лежал телефон, у Тэука на стене отражалась тонкая вертикальная белая щель от чужой гардины и от неё было удобно отсчитывать расстояние. Здесь за окном терлась о стекло ветка, и старая мебель отдавала нагретым солнцем лаком. Голос матери доносился из кухни. Низко разговаривая с мужчиной, которого она знала дольше всех на свете, Сонхи время от времени узнавала в нём нечто совершенно новое и тогда издавала удивлённый хриплый звук.

Не хватало бы ей на всю жизнь одного человека, если бы самой этой привычки каждый год чуть-чуть удивляться у неё не было, подумала дочь, ещё не опуская ноги на пол. В детстве по родительским голосам, звяканью крышек и дыханию чайника можно было решить, идти завтракать или ещё подремать. Став чьей-то возлюбленной, Соён сознательно этого спокойствия лишилась. Теперь вслушивалась в него, как в речь на языке, который раньше знала совсем свободно, и думала, что должна будет, по всей видимости, как-нибудь родителей отблагодарить.

За завтраком отец ел лёд. Накануне удалил зуб и теперь с аристократическим видом клал на язык маленькие ледяные полумесяцы, ловко направляя их к левой распухшей щеке. У него была запланирована поездка в старую компанию на базу в Пусан, оттуда скорее всего направились бы к причалу, сделали бы один большой снимок пенсионной шеренги и разложили бы пойманную одним шустрым стариком рыбу прямо на перевёрнутом ящике. Так договаривались с зимы. Сонхи уехала бы с мужем в среду, зашла в знакомую парикмахерскую, отвезла в детский дом ненужные пожилой подруге корейские книги и наконец съела бы именно ту острую лапшу, которая от переезда в другой город обрела свойство появляться у неё во рту от самого упоминания Пусана.

Теперь вопрос о дне выезда сам собой отошёл на второй план. Рваная куртка Ёнсу сохла у печки, рядом стояла закрытая банка дорогого детского молока, одежда Соён для службы лежала у матери на знакомой корзине для шитья. Можно, конечно, уехать и при всех этих весьма обыкновенных обстоятельствах.

— Я тогда возьму Хаын к себе, — предложила Соён. — У нас в среду обычный день, отведу её с утра в сад, заберу по дороге. В четверг приедет Мирён. Мы справимся.

Мать принялась пересыпать в плоскую посудину отваренный рис, не съеденный накануне. Отец раздавил зубами кусок льда и стоически дотерпел до конца собственного шипения.

— Мне интересно, — сказал он с видом человека, которому давно пора задавать совсем другие вопросы, — почему ты в девять лет, когда обещала сбегать за рисом, была такой спокойной и я тебе верил, а сейчас говоришь ровно тем же голосом и я мысленно уже таскаю тот рис сам? Что-то случилось со мной за это время или с рисом?

Соён обиделась. Ей почему-то раньше с лёгкостью удавалось представлять пенсию родителей довольно пустым круглым полем, куда можно было вписывать любые задачи в зависимости от занятости детей. Наверное, в эти самые минуты и её дочь представляла все отпущенные матери ближайшие восемь часов пустым полем. Это в каком-то смысле обыкновенный ход вещей, ведь ей самой понадобилось столько лет, чтобы узнать, что отец всю жизнь хотел научиться делать хорошие колонки для грампластинок, а мать обзавелась единственной с юно-

сти близкой подругой, чей отъезд в Австралию полагалось заранее окружить пирожками. Лицо у неё, должно быть, воспалённо вытянулось, поэтому отец первым предложил поехать, только пусть она сама напишет на календаре, что взялась за среду и четверг. Так можно было бы избежать ненужных угадываний и ему, и ей.

В те двое суток мать ребёнка управляла отделением банка, мыла девочке клубнику в миске и впервые за долгое время проснулась одновременно с нею и сама, поскольку больше никому поднять одеяло на постели было невозможно. От Хаын не следовало ждать того, что она некоторое время станет с благодарностью ограничиваться одной просьбой. Ей хотелось укладывать сладкий рис в зелёную суповую ложку, застёгивать ремень на сарафане, носить на голове маленькую тканевую шапочку домашней черепахи и доставать сиденьем до каждой ступени, если кругом всё равно остались люди, которым есть время дышать.

Соён поняла, что вот с этим непроходящим количеством желаний и оставались мать и отец после её ухода с занятой линией телефона. Бывали дни, когда Хаын просила себе ещё один час внимания уже хотя бы из-за того, что на свете есть у неё способ этот час из взрослого получить. И оказалось, что если завтра снова предстоит работа, то с таким временем обращаться гораздо труднее, чем с двумя выходными за год у моря.

Ей всё это удалось. Прошлись по двору в синих резиновых сапогах, пересчитали соседских улиток, поужинали у открытого окна, и Хаын почти сорок минут самостоятельно переливала из игрушечного чайника воду на ладонь, будто в этом и заключался сегодня смысл её самостоятельного детского существования. Соён успела ответить двум коллегам по почте, сличить дома список и отложить на утро те дела, которые кто-нибудь, скорее всего, уже успел сделать без неё. Её охватила замечательная гордость за то, что она всё ещё умеет быть прекрасной матерью, и ещё большие нежность и благодарность к родителям, вернувшимся из Пусана поздним вечером с дорожной сумкой, полной сушёной рыбы.

Отец на берегу расцарапал пятку о камень, господин Ю быстрее всех научился складывать велосипед, а маме хотели передать от подруги три старые книги по вышиванию для дома, отправили почтой, так что, по крайней мере на словах, её собственная жизнь осталась почти такой же, как и раньше.

Когда фотографии с моря были готовы, на одной можно было увидеть мужчину, который снимал их издали с запасом всего неба вокруг. Слева жёлтый портовый столб, возле него по горизонтали как сушёная сардина тонкий отцовский локоть, справа за флюгером полузакрытые глаза Сонхи. У обоих ветер прижимал лёгкие рубахи к бокам. Соён взяла одну фотографию на службу и держала на полке у себя за спиной. Кому-то в офисе понравился домик внизу на холме, а тот единственный раз, когда она перевернула фотографию и прочла написанное на обратной стороне «Мы вдвоём», захотелось поскорее вернуть её на место.

Теперь у Сонхи утро начиналось с того, что под одеялом вдруг обнаруживались чьи-нибудь посторонние ноги. В доме было три спальни, одна маленькая, с постепенно темневшей на солнце детской шторой, и две побольше, однако большую часть ночи Хаын проводила в пути. Сначала её укладывали в детской, после полуночи она перебиралась к матери, а если та в этот вечер вообще не приехала, навещала бабушку и до рассвета умудрялась развернуться в кровати поперёк, чтобы в один прекрасный момент положить пятку бабушке на горло. Дед, сколько бы его ни спрашивали, отвечал, что всю ночь спал в одиночестве. Однажды Сонхи поднялась первой и увидела в дверях голые мужские ступни. Дедушка ушёл спать в детскую, где внучка распорядилась выдать ему самое короткое голубое одеяло, и лежал там во всю длину, наполовину на ковре.

Соён любила просыпаться раньше дочери. На лбу у Хаын под чёлкой имелась крошечная родинка, и расчёсывать чёлку следовало так, чтобы та попеременно закрывала и открывала это сокровище. Иногда они придумывали на двоих утренние сказки, в которых родинка служила то автобусной остановкой, то домиком для зверей размером с мошку. В такие минуты Соён

охватывало счастье, почти неприличное своей силой. Девочку можно было обнять за один бок, и она вся поместилась бы в изгиб локтя. Именно эта мера представлялась Соён единственным в жизни по-настоящему удачным совпадением размеров.

В карточке для детского сада была графа «два номера для связи». Соён вписала свой, потянулась к следующей строке и вывела первую цифру телефона Тэука. Зачеркнула. У мамы номер заканчивался на двенадцать, у отца на двадцать один. Они выбирали себе парные номера, ещё когда жили в Пусане, и каждый раз один из них долго ждал у аппарата, пока второй с достоинством объяснял знакомому, почему на самом деле он позвонил другому. Подумав, она написала мамин. В ночь после родительского собрания мать впервые после переезда почувствовала себя плохо. Ничего особенного, сказала Сонхи. Но Хаын уже погрузила маленькую холодную ступню в спину матери и дышала ровно, а из кухни всё ещё доносился шум. Отец открывал один шкаф за другим. Через полчаса она встала и вышла к нему.

— Можешь побыть дома завтра? — спросил он. — Маме нужно в поликлинику.

Мать в старой вязаной кофте и уличных брюках сидела на табуретке с такой прямой спиной, будто принимала женщину из важного ведомства. Она достала карту городской больницы и положила в кошелёк деньги, которые заранее отложила на лекарства. Соён вдруг разозлилась на этот кошелёк. Кожа на нём протёрлась, кнопка садилась только в том случае, если на неё надавить сбоку. Она купила матери два новых, красный и с рисунком сосен. В первом хранились пластиковые пакеты для поездок, во втором какие-то квитанции. Радость Сонхи доставляло иметь вещи, которые дочь ей выбирала, а тратить их всегда было жалко.

— Папа, я перенесу первую встречу, отвезу вас, — предложила Соён. — Подожду, отвезу обратно.

— Нам в поликлинике есть друг друга за какую руку держать. С Хаын побудь, про это ведь разговор.

Отец был прав. Она прикинула, во сколько проснётся дочь, когда начинается сад, как далеко потом добираться до работы и что подумают в отделении, если женщина, которая начальствует над тридцатью людьми, придёт на собственное совещание с мокрыми по дороге от ребёнка колготками. В поликлинике городской заведующий когда-то давно заходил к ней в банк за помощью. Там она могла многое организовать. Собирать маленькую девочку, поднять с постели, по возможности проследить, чтобы та хотя бы умыла лицо, давалось ей почему-то труднее.

Утром родителей уже не было. Из-за закрытой двери слышались машины, и без обычного маминого покашливания почему-то казалось, что это ещё ночь. Хаын вдруг впервые за всё время, что они жили под одной крышей, позволила матери разбудить себя спокойно. Она открыла один глаз, погладила материнскую щёку, примерила на неё руку, как варежку, и сказала, что у мамы на подбородке умещается четыре её пальца, а у бабушки пять. Соён сняла с батареи тёплые носки, протянула ей кофточку.

— Она кусает меня, — заявила девочка.

— Ты же её со мной покупала, когда мы ездили к бабушке Мирён. Почему тогда не сказала?

Соён приподняла шов у плеча. Внутри уцелел острый конец синей нитки, натянутой так сильно, что мягкая ткань сбилась в длинный рубчик. Она бы этот рубчик даже не почувствовала. Хаын тёр ноготь о собственное предплечье, пока мать резала и тянула неудачную нитку. Потом оказалось, что девочка совершенно хорошо умеет сама есть и даже слезает с высокого стула без всякой помощи, если в углу есть деревянная подставка для ног. Только пить надо подавать из той чашки, на которой кролик лежит ушами от ручки, иначе вода будет течь по подбородку прямо в манжету. Таких вещей она за эту пару часов узнала неожиданно много. Особенно её изумило, что дочь умеет предупреждать: «Сейчас я заплачу», и при этом внима-

тельно ждёт возражений, как ждала бы и сама Соён в её возрасте, если бы кто-нибудь дал ей всерьёз поговорить о причине слёз.

Сад был рядом. Воспитательница в дверях поинтересовалась, как поживает дедушка. Она попросила напомнить ему, что второй мешок с песком купили, трудиться, таская собственный, больше не придётся. Дед каждый четверг приходил после тихого часа и вместе со сторожем заменял песок в маленьком столе под навесом. Детей учили лепить из мокрого песка улицу, а потом смотреть, что останется от их домов до утра. Пенсия принесла отцу, помимо новых брюк, тянущихся в коленях, целую профессию, о которой Соён даже не подозревала. Она постояла за дверью чуть дольше, чем нужно было для прощания. Хаын сняла туфли, сложила перчатки, вытянула шею, заглядывая поверх шкафа в сторону той комнаты, куда ушла воспитательница. Улизнуть можно было прямо сейчас. Девочка уже нашла то, что ей нужно, на лице у неё было предвкушение.

Возле ворот сошлись другие родители. Одна молодая женщина с огромным пакетищем в свободной руке пыталась снять с плеча спящего мальчика, не рассыпав содержимое пакета. Соён протянула руки и взяла всё, что женщина ей успела передать. Внутри лежали разной формы обрезки светло-жёлтой губки и перевязанные тонкой ленточкой щепки. Женщина объяснила, что в прошлом месяце её собственная мама выкинула едва начатый дом для маленьких каких-то птичек, и теперь им с сыном уже несколько недель приходится воспроизводить его по фотографии, обращая внимание на мельчайшую подробность. Соён очень хотелось спросить, как они всё это успевают. В конце концов спросила. Женщина пожала плечами.

— Конечно, редко когда успеваем. У меня в мастерской под верстаком коробка, я туда сую всё, что можно домой потом принести. Три четверти времени ему хватает поковыряться в ней. Скажите, а вы правда мама Хаын? Я её никогда раньше с вами не видела. У нас мальчишка тоже любит глядеть, как её дед работает. Передайте деду привет от нашего папы.

Соён передала. Через час ей позвонил отец, и она схватила телефон, думая, что назначили какие-то новые обследования. Вместо этого он спросил, кто именно из сада передавал приветы и какого роста мать у того мальчика. Ему хотелось знать, встретила ли дочь нужную семью. С папой мальчика они однажды из старой лошадки на пружине сделали дракона, подвесили на шею металлический звонок, чтобы, пока дети качаются, настоящая городская жизнь тоже катилась куда-нибудь в весёлую сторону. Оказалось, отец общается с гораздо большим числом людей, чем Соён после трудового дня с её десятками подписей и входящих обращений. Будет время, подумала она, надо помочь ему подобрать новый телефон с хорошей камерой. На экране такого телефона из песка и детских пальцев он мог бы сделать целое кино.

Мать вернулась к полудню. Всё, что насторожило её ночью, к утру стихло, врач предложил приехать ещё раз в конце месяца. Соён спросила, что ей купить к приходу внучки. Мать удивилась.

— Так она к тебе собиралась сегодня. Одежда чистая лежит в красной сумке. Если тебе трудно забрать её самой, Тэук должен был хоть в этот вторник ответить.

Это была условленная с отцом девочки вторая половина дня. Иногда он забирал Хаын, покупал желейных мишек и возвращал её так быстро, что Сонхи даже до магазина не успевала дойти. Соён набрала его телефон. Тот на самом деле тотчас ответил. Он сменил машину и не разобрался, как установить кресло. Пытался прямо сейчас попросить знакомого довезти прежнее крепление к его офису, но мужчина уехал к матери, а без крепления он с дочерью точно не поедет. Соён знала этот голос. У Тэука, когда он стеснялся чего-нибудь, поднять глаза на женского собеседника было совершенно невозможно, и по телефону он пытался сделать то же самое, только движением голоса.

— До сада на метро двадцать минут. Можешь погулять с ней по двору. Она там всё время строит, встретишь моего отца.

— Я поэтому и хочу её забрать на машине. Твой папа так в прошлый раз взглянул, что рядом с ним можно считать себя только человеком, который забыл с утра умыться.

— Ты ей папа. Умоешься по дороге.

Он действительно приехал, причём с набором строительных карандашей, над которым она долго и совершенно искренне смеялась, когда Хаын дома достала их из кармана. Тэук выпросил набор у знакомого плотника, а тот, судя по заботливо заложенной тряпочке, сомневался, что карандаш можно вручить беззащитному ребёнку, и каждое остриё замотал. Они прошлись до нового книжного магазина. Девочка выбрала тонкую книжку про медуз и привезла домой всю в мокрых следах: на обратном пути, когда они уже бежали к знакомому подъезду, пошёл первый в этом месяце большой дождь. Тэук отдал ей куртку и, судя по тому, что у фотографий в телефоне щёки у обоих багрово-розовые, а у ребёнка слиплись ресницы от смеха, сумел с ней прекрасно провести несколько часов.

К ужину Сонхи захотелось молодого лука, именно такого, который режут поближе к основанию, а сверху оставляют зелень. Отец сходил в лавку, Хаын приспособила к карандашам круглую губку и нарисовала огромных медуз, очень похожих на лысых людей под дождём. Соён вытащила из сумки листок с парой телефонных номеров и придвинула к себе карандаш. Пришлось бережно разматывать тряпку, очищать грифель. Она вписала отцовский номер снизу, обозначив его третьим, и в скобках поставила «четверг». Обновлять эти номера ей потом пришлось ещё не раз. За время, пока выросла Хаын, в доме побывало несколько других вариантов этого листка. Тот, с неровной жирной строчкой, начерченной строительным карандашом, ещё долго висел на шкафу в том детском саду, где пенсионер из Пусана по четвергам строил с детьми дома, которые на следующее утро сносил ветер.

Иногда в субботу за Хаын заезжал Тэук. Ребёнок, поджидавший его в гостиной у окна, подбегал встречать любую серебристую машину, пока в проулок не сворачивал знакомый тёмный автомобиль. Тэук опаздывал всякий раз по другому поводу, и в столовой уже существовала приличная коллекция отцовских предположений о том, кого бывший зять в этот раз переводил через дорогу. В один из выходных дед угадал почти дословно, когда сказал про сломавшийся шлагбаум. И правда, отец попал в ловушку на стоянке, и человеку, чинившему въезд, понадобилось сходить за ключом. Хаын, сидя на плечах у Тэука, проехала за калитку, обняв отцовскую голову за уши. Отцовское участие на этом к выходным, как правило, и сводилось. Ежегодный осмотр оставался у Соён в календаре. Она ставила его раньше, чем новые совещания, и всегда отвечала на дежурный вопрос анкеты о сопровождающем собственным именем.

Тем летом перед обследованием Хаын почему-то вспомнила про птицу с надломленным фонариком. Недели две назад в окне больницы зажигалась смешная маленькая птица с красным носом, и ребёнок захотел прихватить ей отвёртку от деда, поскольку птица зажглась и тут же потухла.

— Она так и должна мигать, иначе получится просто лампа, — убеждал дед, убирая острые инструменты повыше.

— Тогда почему у неё нос?

Вопрос о различии между лампой и птицей остался в семье надолго. В машине Соён после всех приготовлений никак не удавалось вставить карту для выезда. Мать прислала короткую запись, как дед с веранды подаёт им сигнал, поднося к лицу красную бельевую прищепку, и, пока маленькая девочка смеялась с заднего сиденья, Соён сумела проехать шлагбаум, закончить разговор с раздражённым клиентом и ещё выкроить десять минут, чтобы зайти за кофе. В очереди она заметила, что Хаын с утра неправильно застегнули лямки на сарафане и из-за этого карман уехал в сторону.

Стало обидно за родителей, у которых целая жизнь родительского опыта, как любил говорить отец, а до пуговиц никому дела нет. Она присела поправить сарафан и увидела, что к настоящей дырочке на лямке приделана ещё одна, надрезанная ножницами и аккуратно обши-

тая материнской нитью. Девочка выросла, и каждому, кто собирал её с утра, придётся теперь выбрать: хорошо ложится карман или тянет короткая лямка. Об обиде пришлось забыть, пока она не успела сделаться окончательной и испортить день.

В больнице окна открывались высоко, а на уровне детского взгляда вдоль всей стены шло нарисованное стадо жирафов, короткой волной выныривавших и прятавшихся за край нарисованного леса. У самого маленького нечаянно стёрли морду моющим препаратом. Хаын хотела узнать, может ли он теперь кушать. Соён приложила к стене палец и сказала, что в этом месте расположен рот, который хорошо заметен, когда жираф жуёт. Другие матери иногда меняли угол обзора и тоже становились возле жирафа, ожидая решающего движения челюсти.

Когда медсестра вернула ей дочь после исследования, от волос у той пахло шапочкой, а на рукаве сидела яркая наклейка со спящей пандой. Девочка хотела есть. Соён, у которой всё внутри стягивалось к ходу врача и дате следующего приёма, искренне обрадовалась этой пандовой наклейке и требовательному голосу. Она отвела дочку обедать в маленькое кафе при клинике, помогла удержать ложку и выслушала пространный рассказ о том, как груша в компоте выглядела раньше, когда была яблоком. От того, что кто-то за соседним столом узнал в ней управляющую отделением, ей даже сделалось приятно. Здесь она всё умела, знала, как подобрать бант к платью, как поговорить с человеком в белом халате, как развлечь ребёнка, когда тот из тех же белых халатов начинал заранее подозревать беду. Ей нравилась собственная мама, которую она видела в чужих глазах.

Вечером в четверг Джихо прислал ей фотографию гостиничного стола в Абу-Даби. Он ездил туда на встречу и к обычному часу звонка мог ещё оставаться в дороге. На фотографии в пустом стакане из-под воды стояла ветка эвкалипта. Он подписал, что нашёл её на сиденье такси и весь день возил с собой, опасаясь, что кто-нибудь подумает, будто он вытряхнул мусор на коврик. Соён спросила, у всех ли адвокатов такая чувствительная совесть. Спустя минуту увидела, что Санмин тоже написал и удалил отправленное, потом появилось другое сообщение. Она уже по одной длине серого прямоугольника знала, чего ему хочется. Соён как раз собиралась выйти с работы, и младшая сотрудница, знавшая её привычку, пододвинула корзину со сложенными за день зонтиками. Соён позвонила матери, прислонив телефон к плечу, выбирая из трёх почти одинаковых чёрных ручек свою.

— Хаын ждёт, что ты будешь петь про грушу, я слов не знаю, — сказала Сонхи, пока вода стекала с края козырька у входа в банк.

— Я потом запишу ей. Мамочка, уложите без меня, хорошо? Я приеду или совсем поздно, или уже с утра до работы.

На том конце телефона раздался голос отца, спросившего, собираются ли они подогревать рыбу, которую он купил специально на четыре порции. Мать пересказала разговор по-своему, потому что Соён предпочла бы говорить честнее, чем придумывать срочное заседание. Соён до метро дошла пешком. Когда дождь перестал попадать ей на лицо, она обнаружила, что всё это время улыбалась, а попробовала вспомнить больничную песенку — и вспомнила только грушу. Она записала Хаын, как жираф жует надкушенное яблоко, с самым громким хрустом, который смогла изобразить. Мать ответила сердечком, и некоторое время этого хватало, чтобы спокойно жить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.